

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 295

29 ноября 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием представителя заявителя Ко. – К. (доверенность от 22 сентября 2021 года ..., удостоверена С. – временно исполняющей обязанности нотариуса города Москвы А.; личность установлена по паспорту), адвоката Э., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам К. от 30 октября 2022 года (вх. № ... от 22.11.2022), от 10 февраля 2023 года (вх. № ... от 15.03.2023), от 07 марта 2023 года (вх. № ... от 10.03.2023) и от 03 апреля 2023 года (вх. № ... от 04.04.2023) в отношении адвоката Э. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 11 октября 2023 года вынесла заключение:

1) о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 15 ст. 22, п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Э. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К. (честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов регистрируются в документации коллегии адвокатов), выразившемся в том, что, заключив с доверителем К. Соглашение № ... об оказании юридической помощи (услуги) от 17 февраля 2022 года, адвокат Э. не обеспечил его своевременную регистрацию в документации адвокатского образования, по крайней мере, по состоянию на 06 сентября 2022 года;

2) о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 и п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной

этики адвоката, адвокатом Э. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К. (честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением), выразившемся в том, что:

- получив от доверителя К. 03 марта 2022 года в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи денежные средства в размере 2 000 долларов США, адвокат Э. не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством, ограничившись составлением на л. 5 Соглашения № ... об оказании юридической помощи (услуги) от 17 февраля 2022 года расписки, в которой было указано: «03.03.2022 оплачено 2 тыс. долларов США, т.е. 150 т.р. по курсу»;

- получив в период времени с 03 марта 2022 года по 01 июня 2022 года от доверителя К. денежные средства в размере не менее 22 500 долларов США в счет оплаты авансом юридической помощи за период с 03 апреля 2022 года по 31 декабря 2022 года, которую он обязался оказать К. по Соглашению № ... об оказании юридической помощи (услуги) от 17 февраля 2022 года, адвокат Э. не внес указанные денежные средства в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю К. финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством, ограничившись составлением на оборотной стороне л. 5 Соглашения № ... об оказании юридической помощи (услуги) от 17 февраля 2022 года расписки, в которой было указано: «Оплачено с 03.04.2022 по 31.12.2022 1 800 000 руб. (один миллион восемьсот тысяч рублей) долларами в рублевом эквиваленте, т.е. по курсу 80 рублей за один америк. доллар»;

3) о неисполнении, вопреки предписаниям п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Э. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К. (адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему), выразившемся в том, что получив от К. в период времени с 03 марта 2022 года по 01 июня 2022 года в качестве вознаграждения денежные средства в суммах 2 000 долларов США и не менее 22 500 долларов США (1 800 000 рублей долларами в рублевом эквиваленте по курсу 80 рублей за один доллар США), а также составив в подтверждение получения указанных сумм расписки на Соглашении № ... об оказании юридической помощи (услуги) от 17 февраля 2022 года, адвокат Э., после предъявления к нему доверителем К. требований о возврате

неотработанного вознаграждения, в Письменных объяснениях на имя председателя Коллегии адвокатов «Г.» Д. от 30 августа 2022 года, то есть до обращения К. в Адвокатскую палату города Москвы с жалобой на действия (бездействие) адвоката Э. от 30 октября 2022 года, стал утверждать, что им получено от К. «2 000 долларов США (по курсу ЦБ РФ 75 рублей за 1 доллар США) и 50 000 рублей», а также что «иные денежные средства, о которых утверждает К. в заявлении», ему «не передавались», тем самым отрицая получение им денежных средств в сумме не менее 1 750 000 рублей (долларами в рублевом эквиваленте по курсу 80 рублей за один доллар США) в целях воспрепятствования реализации права К. на возвращение ей неотработанной адвокатом Э. части вознаграждения;

4) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 4 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 9, 10, 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, адвокатом Э. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К. (своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать и защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции; адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного; отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату; защитник участвует в следственных и процессуальных действиях, проводимых с участием подзащитного либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника, а также в судебных заседаниях по уголовному делу, за исключением случаев, когда такое участие не является обязательным в силу закона и отсутствия просьбы подзащитного; адвокат участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых им на себя обязательств), выразившемся в том, что приняв на основании Соглашения № ... об оказании юридической помощи (услуги) от 17 февраля 2022 года поручение по осуществлению защиты К. в уголовном судопроизводстве по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве ГСУ СК России по городу Москве, адвокат Э. самоустранился от оказания юридической помощи доверителю К., а именно:

- не явился 18 апреля 2022 года в судебное заседание Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по делу № ..., по

результатам которого в отношении К. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу;

- не обжаловал определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по делу № ... от 18 апреля 2022 года об избрании в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу в апелляционном порядке;

- не явился 22 апреля 2022 года в судебное заседание Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по делу № ..., по рассмотрению апелляционной жалобы адвоката К.А. на определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2022 года об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении К.;

- не явился 18 мая 2022 года в судебное заседание П. районного суда города Москвы, по результатам которого был продлен срок содержания К. (Х.) под стражей;

- не обжаловал постановление П. районного суда города Москвы от 18 мая 2022 года, которым был продлен срок содержания К. (Х.) под стражей в апелляционном порядке;

5) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Э. по жалобе К. от 30 октября 2022 года (вх. № ... от 22.11.2022), по жалобе К. от 10 февраля 2023 года (вх. № ... от 15.03.2023), по жалобе К. от 07 марта 2023 года (вх. № ... от 10.03.2023) и по жалобе К. от 03 апреля 2023 года (вх. № ... от 04.04.2023), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства:

- в части требований об обязанности адвоката Э. возратить неотработанное вознаграждение в размере 47 000 долларов США;

- в части доводов о совершении адвокатом Э. уголовных преступлений, в том числе о клевете, о получении мошенническим путем от К. денежных средств в качестве аванса за оказание юридической помощи, о вымогательстве у К. денег для их передачи высокопоставленным сотрудникам правоохранительных органов, об угрозах в адрес К. и членов ее семьи;

б) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Э. по жалобе К. от 30 октября 2022 года (вх. № ... от 22.11.2022), по жалобе К. от 10 февраля 2023 года (вх. № ... от 15.03.2023), по жалобе К. от 07 марта 2023 года (вх. № ... от 10.03.2023) и по жалобе К. от 03 апреля 2023 года (вх. № ... от 04.04.2023), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель заявителя К. – Ко. в заседании Совета сообщил, что он и заявитель получили заключение Квалификационной комиссии от 11 октября 2023 года, ознакомились с ним, с выводами Комиссии согласны в полном объеме. Ко. выражает благодарность Квалификационной комиссии за то, что

она скрупулезно проверила все доводы и пришла к объективным обоснованным выводам. В заключении отражена нечистоплотность, непорядочность и бесчеловечность адвоката Э. Он понимает, насколько было неприятно слышать выступление адвоката Э., доводы которого он считает оскорблением интеллекта порядочных людей. Отправной точкой отношений адвоката с доверителем является соглашение, и именно с даты заключения соглашения об оказании юридической помощи начинается отсчет времени ее оказания. Поэтому все доводы адвоката Э. о том, что он оказывал К. ранее на протяжении нескольких месяцев юридическую помощь, не выдерживают никакой критики. Обращает внимание на то, что он самостоятельно прошел путь от стажера следователя до заместителя Генерального прокурора РФ и является доктором юридических наук, а его супруга К. – судья арбитражного суда, кандидат юридических наук, оба они преподают на юридическом факультете МГИМО. При таких обстоятельствах он не понимает, какие консультации мог давать им адвокат Э., и они не нуждались в его консультациях. Адвокат Э. требовался доверителю К. для посещения ее в СИЗО и участия в процессуальных действиях для защиты ее прав и интересов, поскольку Ко. не имеет статуса адвоката, не был допущен в качестве защитника К. и поэтому не имел возможности самостоятельно совершать указанные выше действия. Между К. и адвокатом Э. сложились две части (сферы) общения: официальная (связанная с заключением и реализацией соглашения об оказании юридической помощи) и неофициальная (она также описана в заключении Квалификационной комиссии). Что касается неофициальной части (сферы) отношений, то в рамках установленных обстоятельств, действительно, 7 000 долларов США были возвращены. Но эти деньги были возвращены из суммы в размере 32 000 долларов США, которая к соглашению об оказании юридической помощи никакого отношения не имела. Эта сумма из «области вымогательства и мошенничества со стороны адвоката Э.». Доводы адвоката Э. непоследовательны и в эпизоде с участием председателя коллегии адвокатов. У Ко. на руках имеется соглашение с печатью и подписью. Поэтому версия с «ошибкой» и «забывчивостью» бухгалтера при, якобы, регистрации соглашения об оказании юридической помощи не выдерживает критики. На основании соглашения об оказании юридической помощи К. передала адвокату Э. 24 000 долларов США, 2000 долларов США и 200 000 руб. Адвокат Э. оплачивал такси из другой суммы денежных средств – из 32 000 долларов США. Адвокат Э. никогда не признавал получение денежных средств. Несмотря на это, фактически он их получил и перестал оказывать юридическую помощь – являться на следственные действия и судебные заседания. Если все полученные адвокатом Э. денежные средства сложить, то получится, что он удвоил себе гонорар. В настоящее время достичь примирения невозможно, поскольку минимально приемлемое предложение доверителя для примирения не учтено и не услышано. По сути, адвокат Э. уклоняется от примирения.

Отвечая на вопросы членов Совета, Ко. пояснил, что его мнение как представителя и мнение его супруги – К. неизменно и выражается в том, что такие адвокаты, как Э. позорят честь и достоинство адвокатской корпорации, и он должен быть лишен статуса адвоката. На момент обращения к адвокату Э. защиту К. осуществляли два адвоката – К.А. и Н. К этим адвокатам никаких претензий не было. Первоначально соглашение об оказании юридической помощи было заключено с адвокатом К.А. Однако он востребованный адвокат, у него было много дел, в том числе за пределами Москвы, которые вынуждали его уезжать в командировки. Поэтому адвокат К.А. просил, чтобы для его подстраховки в деле был другой адвокат – защитник К. В связи с этим было заключено соглашение об оказании юридической помощи с адвокатом Н., который познакомил их с адвокатом Э. Последний был представлен как «храбрый и напористый опытный адвокат, который не боится сотрудников ФСБ РФ». К. сделала выбор в пользу адвоката Э. и заключила с ним соглашение об оказании юридической помощи. Фактически наличия трех адвокатов оказалось недостаточным. Один раз была ситуация, когда Ко. от имени супруги просил адвоката Э. явиться не в судебное заседание Высшей квалификационной коллегии судей, где участвовал адвокат К.А., а в больницу, в которой ожидалось задержание К. Это было обусловлено тем, что в больнице при задержании, которое должно было неминуемо последовать за дачей согласия Высшей квалификационной коллегии судей на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, никого не было, а задержание ожидалось жестким, несмотря на плохое самочувствие К. Поэтому было важно, чтобы ее права при задержании защищал адвокат. Но вместо этого адвокат Э. явился в судебное заседание Высшей квалификационной коллегии судей, где никак положительно себя не проявил. В результате сразу после оглашения решения Высшей квалификационной коллегии судей в больничную палату зашли сотрудники ФСБ РФ, вытащили иглу из капельницы и увезли К. в СИЗО. Никакой защиты при задержании у К. не было. До заключения соглашения об оказании юридической помощи Ко. видел адвоката Э. один раз.

Адвокат Э. в заседании Совета сообщил, что получил заключение Квалификационной комиссии от 11 октября 2023 года, ознакомился с ним, с выводами согласен, но не в полном объеме. По его мнению, Квалификационная комиссия пришла к правильным выводам, но не отразила ряд нюансов в заключении. Исходя из текста заключения, следует, что адвокат Э. вернул Ко. 7 000 долларов США. Одновременно с этим Квалификационная комиссия пришла к выводу, что эта сумма не внесена в кассу адвокатского образования или на его расчетный счет. Адвокат Э. считает важным обратить внимание на то, что осталось за рамками дисциплинарных правонарушений. Больше года Квалификационная комиссия объективно и профессионально проверяла его доводы. Около 95% дисциплинарных обвинений, по его мнению, не нашли подтверждения. Ему вменяется неявка в три судебных заседания, которую он не отрицает. Но одновременно с этим установлено, что по уголовному делу К. защищали три

адвоката. Ему и другим адвокатам, работающим по этому делу, не ставилась задача участвовать во всех судебных заседаниях. К сожалению, он «не зафиксировал отказ от участия в судебном заседании». В заключении не дана оценка тому факту, что законодатель не установил процедуру и сроки регистрации соглашений об оказании юридической помощи. В коллегии адвокатов, в которой он осуществляет адвокатскую деятельность, предусмотрен следующий порядок: в день заключения соглашения «я указываю номер, но затем в течение недели я приезжаю и регистрирую». Бухгалтер коллегии адвокатов поставила отметку о регистрации, выдала квитанцию, но в силу того, что не вся сумма внесена, была достигнута договоренность, что регистрация соглашения будет произведена по итогам оплаты всей суммы. Когда поступил запрос из Адвокатской палаты города Москвы, то бухгалтер сообщила недостоверную информацию, согласно которой соглашение об оказании юридической помощи не зарегистрировано. Бухгалтер готова сейчас сообщить, что он как адвокат исполнил все обязательства, а бухгалтер ошиблась. Эти события происходили в сентябре 2022 года. В следующем письме коллегия адвокатов подтвердила этот факт. Что касается оставшейся суммы, то 7 000 долларов США им было возвращено. Между тем, в заключении Квалификационной комиссии об этом ничего не сказано. В течение 6 месяцев проводилась работа, которая выражалась в даче устных консультаций по телефону («от 50 до 100 раз»), переговорах на территории офиса, в общественных местах и в медицинском учреждении. Встречи проводились с участием иных адвокатов, в том числе, адвоката Н., который сообщил, что готов подтвердить сведения о «неэффективном выстраивании финансовых взаимоотношений с К.». Адвокату Э. об аналогичных фактах сообщал и адвокат К.А. По мнению адвоката Э., из полученных им 2 000 000 рублей 1 200 000 рублей он отработал. Соглашение об оказании юридической помощи заключено по итогам двухмесячного общения с Ко. и его супругой. За них из обозначенной в расписке суммы адвокат Э. оплачивал деньги за такси.

Отвечая на вопросы членов Совета, адвокат пояснил, что, по его мнению, поскольку законодатель не определил сроки внесения денежных средств в кассу адвокатского образования и их возврата доверителю, то это гражданско-правовой спор. Для достижения примирения он предложил представителю заявителя Ко. вернуть 1 000 000 рублей. Однако Ко. отказался и потребовал 2 000 000 рублей. Такую сумму адвокат Э. считает несправедливой. Он признает «казус с регистрацией соглашения», и этот «казус» готов подтвердить бухгалтер. Возможно, что в одном-двух процессах адвокат Э. не принял участия в связи с занятостью в других процессах. В остальных судебных заседаниях их инициаторами были другие адвокаты, поэтому они и принимали участие. Его участия доверитель не требовала и после окончания этих судебных заседаний претензии к нему не предъявляла. В тех заседаниях, где он принимал участие, он делал это добросовестно и профессионально. Изначально все доводы доверителя в жалобах, по мнению адвоката Э., «сошли на нет», поэтому он просит воспринять все доводы К. и

Ко. критически. Если бы доверитель занял позицию, что не надо являться в судебное заседание, то адвокат Э. должен был бы «сходить в Палату и посоветоваться с адвокатами». Если такие доверители, как К. «свободно идут на провокации от ФСБ, то мы не защищены». Адвоката Э. действительно пригласил в это дело адвокат Н., адвокат Э. встречался с супругами К. 4-5 раз, и они говорили, «что К.А. слабый, нужен смелый, принципиальный и опытный адвокат. Вы нам нужны».

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах. Вместе с тем, соглашаясь с выводами Комиссии, Совет полагает необходимым уточнить обоснование некоторых из них, как описано ниже.

Так, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что по результатам оперативно-розыскной деятельности, материалы которой переданы по подследственности в ГСУ СК России по городу Москве в порядке, установленном ст. 144 и 145 УПК РФ, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении К. и иных неустановленных лиц, 12 июля 2021 года в соответствии с направленным Председателем Следственного комитета Российской Федерации представлением Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации дала разрешение на возбуждение уголовного дела в отношении К. 08 сентября 2021 года Верховным Судом Российской Федерации по результатам рассмотрения административного иска К. указанное разрешение на возбуждение уголовного дела оставлено без изменения.

23 ноября 2021 года Председателем Следственного комитета Российской Федерации в отношении К. возбуждено уголовное дело № ... по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 291.1 УК РФ, расследование которого поручено ГСУ СК России по городу Москве. 10 января 2022 года К. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 291.1 УК РФ.

17 февраля 2022 года между адвокатом Э. и доверителем К. заключено Соглашение № ... об оказании юридической помощи (услуги) (Далее – Соглашение от 17 февраля 2022 года) со следующими существенными условиями: предмет поручения (п. 1.1) – «...Защита прав и интересов доверителя во всех государственных, правоохранительных и судебных органах г. Москвы...»; срок действия Соглашения (п. 2.1) – до 31 декабря 2022 года; размер вознаграждения (п. 4.1) – 200 000 рублей в месяц.

Адвокат Э. утверждает, что при подписании Соглашения от 17 февраля 2022 года, которое было зарегистрировано в его адвокатском образовании – Коллегии адвокатов «Г.», он получил 200 000 рублей, которые в тот же день внес в кассу адвокатского образования, и после этого никакого иного вознаграждения не получал. Заявитель К. настаивает на том, что Соглашение от 17 февраля 2022 года в делах адвокатского образования не было зарегистрировано, финансовые документы, подтверждающие проведение

адвокатом Э. операций с денежными средствами доверителя, ей не выдавались, а полученное адвокатом Э. в наличной форме вознаграждение в общем размере 54 000 долларов США в кассу либо на расчетный счет адвокатского образования не вносилось.

02 марта 2022 года нотариусом города Москвы А. удостоверена доверенность на бланке ..., уполномочивающая адвоката Э. на представление интересов К. Адвокат Э. факт передачи ему доверенности отрицает.

03 марта 2022 года адвокат Э. на л. 5 Соглашения от 17 февраля 2022 года составил расписку о получении вознаграждения в размере 2 000 долларов США, указав в ней, что данная сумма эквивалентна 150 000 рублей. Кроме того, заявитель К. утверждает, что на оборотной стороне л. 5 Соглашения от 17 февраля 2022 года составлена расписка следующего содержания: «Оплачено с 03.04.2022 по 31.12.2022 1 800 000 руб. (один миллион восемьсот тысяч рублей) долларами в рублевом эквиваленте, т.е. по курсу 80 рублей за один америк. доллар». Адвокат Э., в свою очередь, настаивает на том, что данная расписка была составлена на отдельном листе, а не на Соглашении от 17 февраля 2022 года.

09 марта 2022 года с 11.45 час. до 13.00 час. был произведен дополнительный допрос обвиняемой К. с участием защитника – адвоката К.А., в котором адвокат Э. участия не принимал. 10 марта 2022 года адвокат Э. принял участие в рассмотрении Б. районным судом города Москвы жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ о признании незаконным и необоснованным постановления о возбуждении уголовного дела в отношении К. 11 марта 2022 года адвокат Э. вступил в уголовное дело № ... в качестве защитника К., представив ордер от 11 марта 2022 года № ..., выданный ему Коллегией адвокатов «Г.» на основании соглашения и предусматривающий «защиту интересов К. по уголовному делу в ГСУ СК РФ по Москве в ходе предварительного и судебного следствия». В этот же день с 11.10 до 11.24 час. адвокат Э. принял участие в ознакомлении с четырьмя постановлениями о назначении фоноскопических судебных экспертиз, по результатам которого были составлены четыре соответствующих протокола. В каждый из них адвокат Э. внес запись о том, что заявления будут им предоставлены отдельно до 15 марта 2022 года. Кроме того, 11 марта 2022 года с 11.30 до 14.10 час. адвокаты Э. и К.А. приняли участие в дополнительном допросе обвиняемой К. в качестве ее защитников. После этого с 15.15 до 17.10 час. был произведен еще один дополнительный допрос обвиняемой К. с участием ее защитника – адвоката К.А., в котором адвокат Э. участия не принимал.

18 апреля 2022 года определением Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации в отношении К. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В судебном заседании принимали участие К. и ее защитники – адвокаты К.А. и Н. Адвокат Э. участия в судебном заседании не принимал.

22 апреля 2022 года апелляционным определением Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, вынесенным по

апелляционной жалобе адвоката К.А., указанное определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации оставлено без изменения, а апелляционная жалоба адвоката К.А. – без удовлетворения. В судебном заседании принимал участие защитник К. – адвокат К.А. Адвокат Э. участия в судебном заседании не принимал.

27 апреля 2022 года К. составила и подписала письменное заявление адвокату Э., в котором выразила просьбу о расторжении заключенного с ним Соглашения от 17 февраля 2022 года и потребовала вернуть уплаченные ему в марте 2022 года 32 500 долларов США и 26 апреля 2022 года 24 000 долларов США. Указанное заявление было передано представителю К. – Ко. с поручением о его направлении в адрес адвоката Э. в случае дальнейшего неисполнения им профессиональных обязанностей перед доверителем К.

28 апреля 2022 года адвокаты Э. и К.А. в качестве представителей К. (Х.) приняли участие в заседании Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, в котором было вынесено решение о даче согласия на исполнение определения Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2022 года об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении судьи Арбитражного суда города Москвы в отставке Х. (ранее – К.). В этот же день К. была заключена под стражу.

11 мая 2022 года с 14.10 до 15.00 час. адвокат Э. посетил доверителя К. в ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по городу Москве.

18 мая 2022 года постановлением П. районного суда города Москвы продлен срок содержания Х. (К.) под стражей. В судебном заседании принимали участие К. и ее защитник – адвокат К.А. Адвокат Э. участия в судебном заседании не принимал.

27 мая 2022 года с 10.28 до 11.32 час. адвокат Э. посетил доверителя К. в ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по городу Москве.

01 июня 2022 года К. подала письменное заявление следователю К.П. об отказе от защитника – адвоката Э., в котором указала на расторжение заключенного с ним соглашения об оказании юридической помощи. Это заявление поступило следователю К.П. 23 июня 2022 года. 28 июня 2022 года это заявление удовлетворено постановлением следователя. Не позднее 08 июля 2022 года адвокат Э. узнал об отказе К. от его юридической помощи в ходе переписки со следователем К.П. посредством мессенджера WhatsApp.

23 июня 2022 года решением Верховного Суда Российской Федерации отказано в удовлетворении административного искового заявления К. об отмене решения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 28 апреля 2022 года о даче согласия на заключение ее под стражу. В судебном заседании приняли участие представители К. – адвокат К.А. и Ко. Адвокат Э. участия в судебном заседании не принимал.

18 июля 2022 года апелляционным постановлением Московского городского суда постановление П. районного суда города Москвы о продлении срока содержания Х. (К.) под стражей оставлено без изменения, а

апелляционная жалоба адвоката К. – без удовлетворения. Адвокат Э. участия в судебном заседании не принимал.

20 июля 2022 года представитель К. – Ко. направил адвокату Э. письменное заявление К. о расторжении Соглашения от 17 февраля 2022 года, а 27 июля 2022 года передал повторное заявление об этом же в Коллегию адвокатов «Г.», а также следующие приложенные к нему документы: копию Соглашения от 17 февраля 2022 года; указанное выше заявление К. адвокату Э. от 27 апреля 2022 года; сопроводительные письма ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по городу Москве от 07 июня 2022 года № ... и от 10 июня 2022 года № ... о направлении К. заявления и уведомления в Коллегию адвокатов «Г.» о расторжении Соглашения от 17 февраля 2022 года и об отказе от юридической помощи адвоката Э.; документы, подтверждающие направление Ко. указанных сопроводительных писем и заявления о расторжении Соглашения от 17 февраля 2022 года адвокату Э. в Коллегию адвокатов «Г.».

В повторном заявлении от 27 июля 2022 года представитель К. – Ко., в числе прочего, сообщил: *«Соглашение № ... от 17.02.2022 г. расторгнуто с 01 апреля 2021 г. [Такой год указан в заявлении – Примечание Совета], о чем я [Заявление написано от имени К. – Примечание Совета] неоднократно уведомляла адвоката Э. <...> Адвокат Э. ввел меня в заблуждение относительно своих профессиональных качеств и возможностей и, убедив меня в эффективности своей работы, вынудил меня заплатить ему аванс в размере 50 000 долларов США <...> Учитывая ненадлежащую защиту Э. интересов К. по уголовному делу, я уведомила Э. о расторжении с ним Соглашения № ... от 17 февраля 2022 г. и неоднократно направляла уведомления о расторжении Соглашения по месту нахождения его офиса и в адрес коллегии адвокатов, в которой состоит адвокат Э. Э., зная, что с ним расторгнуто Соглашение и необходимо вернуть неотработанный аванс, <...> до настоящего времени не возвратил незаконно полученный аванс в полном размере. Э. должен вернуть в настоящее время денежные средства в размере 47 000 долларов США по курсу доллара, действовавшего по состоянию на 01 апреля 2022 года. На требования мои и моего супруга Ко. вернуть аванс по Соглашению, Э. отвечает угрозами, оскорблениями и скрывается от нас».*

В период с 15 марта 2022 года до 28 июля 2022 года адвокат Э. неоднократно направлял в различные органы государственной власти жалобы и иные письменные обращения в связи с уголовным преследованием К., на которые получал ответы, приобщенные к материалам дисциплинарного производства.

30 августа 2022 года адвокат Э. составил и подписал письменные объяснения на имя председателя Коллегии адвокатов «Г.» Д. в которых, в числе прочего, указал: *«По вопросу оплаты оказанных мною юридических услуг, сообщаю, что мною в рамках заключенного соглашения получено от К. 2 000 долларов США (по курсу ЦБ РФ 75 рублей за 1 доллар США) и 50 000 рублей. Иные денежные средства, о которых утверждает К. в заявлении,*

мне не передавались, документы, подтверждающие оплату услуг, К. не представила, ссылаясь на то, что деньги ею передавались якобы третьим лицам. Важно отметить, что К. без ведома меня и иных адвокатов в марте-апреле т.г. в момент нахождения меня в г. Москве, выезжала на территорию ..., где вступила в сговор с неизвестными мне лицами, изменила свои персональные данные на Х., возможно в целях скрыться от органов следствия и суда, однако, была задержана правоохранительными органами ЧР и доставлена в г. Москву, о чем проведена доследственная проверка, итоги которой мне неизвестны в силу расторжения со мной соглашения».

06 сентября 2022 года председателем Коллегии адвокатов «Г.» Д. направлено письмо К. (исх. № ... от 06 сентября 2022 года), в котором было указано, что в связи с рассмотрением ее заявления о расторжении Соглашения от 17 февраля 2022 года «с адвокатом Э. проведена разъяснительная беседа. В письменном пояснении он отрицает получение указанных Вами денежных средств. Указанное Вами соглашение в бухгалтерию Коллегии адвокатов «Г.» не поступало и не зарегистрировано, денежных средств по данному соглашению также не поступало».

Не позднее 01 декабря 2022 года Коллегией адвокатов «Г.» оформлена квитанция к приходному кассовому ордеру от 17 февраля 2022 года № ..., которой подтверждается принятие от К. 200 000 рублей на основании «Соглашения № ... от 17.02.2022 г.».

Из жалоб заявителя К. следует, что она выдвигает против адвоката Э. дисциплинарные обвинения, которые в связи с их объемом Советом объединены в следующие группы:

неисполнение требований по формализации отношений с доверителем, выразившееся в неисполнении обязанности по регистрации соглашения об оказании юридической помощи в документации адвокатского образования, а также в получении по нему вознаграждения без его внесения в кассу либо на расчетный счет адвокатского образования и без выдачи доверителю финансового документа, подтверждающего проведение операций с его денежными средствами, совершение действий, направленных к уклонению от возврата неотработанного вознаграждения;

самоустранение адвоката Э. от оказания К. юридической помощи в административном судопроизводстве, а также от осуществления защиты К. по уголовному делу № ..., выразившееся в неявках в судебные заседания, а также для участия в следственных и иных процессуальных действиях, в неподаче письменных заявлений по результатам участия в процессуальных действиях, в необжаловании судебных решений об избрании в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока ее содержания под стражей, в неподаче жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, в неоказании юридической помощи при задержании К. 28 апреля 2022 для заключения под стражу, а также в уклонении от еженедельного посещения К. в ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по городу Москве;

привлечение К. в качестве доверителя недостойным способом, в том числе через указание на личные связи с руководством «республики», на

предстоящее назначение «прокурором республики на генеральскую должность», через демонстрацию совместных фотографий адвоката Э. «с одним из руководителей республики и с руководителем силовых ведомств (в настоящее время бывшими)», через указание на свою осведомленность об оказываемом на адвокатов, осуществляющих защиту К., давлении, вследствие которого те не могут «объективно защищать» К., опасаясь за свою безопасность;

несоблюдение деловой манеры общения с доверителем К. и ее представителем – Ко., выразившееся в грубом и хамском общении с ними, а также в оказании юридической помощи К., руководствуясь соображениями собственной выгоды и безнравственными интересами;

нарушение требований п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в представлении в ходе дисциплинарного производства в Адвокатскую палату города Москвы недостоверных объяснений, а также заявления от имени адвоката Н., содержащего не соответствующую действительности информацию о неоднократном посещении адвокатом Э. ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по городу Москве.

Кроме того, заявителем К. сформулированы дисциплинарные обвинения в неисполнении адвокатом Э. обязанности по ведению адвокатского производства и в невозвращении К. доверенности от 02 марта 2022 года, выданной ею адвокату Э.

В жалобах К. также содержатся требование о возврате неотработанного адвокатом Э. вознаграждения в размере 47 000 долларов США и доводы о совершении адвокатом Э. уголовных преступлений, в том числе о клевете, о получении мошенническим путем от К. денежных средств в качестве аванса за оказание юридической помощи, о вымогательстве у К. денег для их передачи высокопоставленным сотрудникам правоохранительных органов, об угрозах в адрес К. и членов ее семьи.

Рассматривая группу дисциплинарных обвинений в неисполнении адвокатом Э. обязанностей по формализации отношений с доверителем К., Совет отмечает, что согласно п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, «адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии».

При этом согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам (далее – доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

Порядок оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи доверителям раскрывается в положениях Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Так, согласно п. 1 и 2 ст. 25 названного Закона адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем,

которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Пунктом 4 ст. 25 указанного Закона определены существенные условия соглашения об оказании юридической помощи, в частности: указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате; предмет поручения; условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно; порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения, за исключением случаев, когда юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно.

В силу п. 1, 2, 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат имеет право на получение вознаграждения (гонорара), причитающегося за исполняемую работу, а также на возмещение понесенных им издержек и расходов. Гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства. Соглашение об оказании юридической помощи может содержать условие о внесении доверителем в кассу либо о перечислении на расчетный счет адвокатского образования (подразделения) денежных сумм в качестве авансовых платежей. Адвокат вправе в соответствии с правилами, установленными советом Федеральной палаты адвокатов, включать в соглашение об оказании юридической помощи условия, согласно которым выплата (размер выплаты) вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении.

В силу п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением. Согласно п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов. Обязанность по созданию условий для регистрации соглашения в документации адвокатского образования лежит на адвокате. По общему правилу, соглашение представляется в адвокатское образование для регистрации сразу же после его заключения и тогда же регистрируется, либо регистрация соглашения является необходимым элементом его оформления: при регистрации соглашению присваивается

номер, который указывается в графе ордера «основания выдачи» в строке «реквизиты соглашения».

Надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17*). Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99*).

Нарушения адвокатами обязанностей по формализации отношений с доверителями, выражающиеся в невнесении полученных адвокатом от доверителя по соглашению денежных средств в кассу адвокатского образования, а также в невыдаче доверителю документов по проведению операции с его средствами, приведены в п. 1, 4 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем. В частности, в Обзоре указано, что действия и бездействие адвоката, выразившиеся в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, невыдача доверителю документов по проведению операции с его средствами, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации (*Обзор дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы (www.advokatymoscow.ru)*).

В обоснование доводов о неисполнении адвокатом Э. вышеуказанных обязанностей заявитель К. представила в материалы дисциплинарного производства письмо председателя Коллегии адвокатов «Г.» Д., адресованного К. (исх. № ... от 06 сентября 2022 года), в котором, в частности, указано: «С адвокатом Э. проведена разъяснительная беседа. В

письменном пояснении он отрицает получение указанных Вами денежных средств. Указанное Вами соглашение в бухгалтерию Коллегии адвокатов «Г.» не поступало и не зарегистрировано, денежных средств по данному соглашению также не поступало».

После поступления 22 ноября 2022 года в Адвокатскую палату города Москвы жалобы К. от 30 октября 2022 года (вх. № ... от 22.11.2022) председатель Коллегии адвокатов «Г.» Д. в инициативном порядке направил в Адвокатскую палату города Москвы письмо (исх. № ... от 01 декабря 2022 года, вх. № ... от 06.12.2022), в котором в качестве пояснения к вышеуказанному письму от 06 сентября 2022 года № ... сообщил, что Соглашение от 17 февраля 2022 года было зарегистрировано в документации адвокатского образования, а также что в кассу бухгалтерии Коллегии адвокатов внесены 200 000 рублей. В этом же письме руководитель адвокатского образования сообщает, что информация, отраженная в «вышеуказанном ответе на имя К.», относится к «спорной сумме 1 800 000 рублей». К этому письму приложены светокпии Соглашения от 17 февраля 2022 года и квитанция к приходному кассовому ордеру от 17 февраля 2022 года № Однако представителем заявителя Ко. оспорена достоверность информации о регистрации Соглашения от 17 февраля 2022 года в документации адвокатского образования, а также о внесении денежных средств в размере 200 000 рублей в кассу адвокатского образования. В обоснование этой позиции представителем заявителя указано на несоответствие данных сведений содержанию ранее полученного К. письма, содержание которого приведено выше, а также на то, что в квитанции к приходному кассовому ордеру указан номер соглашения (...), не соответствующий номеру Соглашения от 17 февраля 2022 года (№ ...). В свою очередь, адвокат Э. в электронном письме от 01 февраля 2023 года (вх. № ... от 01.02.2023) сообщил, что заключенное в феврале 2022 года с К. соглашение об оказании юридической помощи было зарегистрировано в документации коллегии адвокатов, а полученное по нему вознаграждение было внесено в кассу адвокатского образования, что подтверждается ранее направленной в материалы дисциплинарного производства квитанцией. При этом в квитанции к приходному кассовому ордеру допущена техническая ошибка – неверно указан номер соглашения. В заседании Совета адвокат Э., как указано выше, изложил новую версию обстоятельств регистрации Соглашения от 17 февраля 2022 года, указав, что бухгалтер Коллегии адвокатов допустила ошибку, сообщив недостоверную информацию, а также о том, что в указанном адвокатском образовании регистрация соглашений об оказании юридической помощи разделена на два этапа: присвоение номера соглашения и непосредственно регистрация (не уточнив, в чем фактически выражается данный этап). При этом отметка о регистрации соглашения и непосредственно регистрация соглашения не являются идентичными понятиями или процедурами и могут иметь место в разное время в зависимости от внесения или невнесения полной суммы гонорара (вознаграждения) по регистрируемому соглашению.

Совет отклоняет эти доводы адвоката Э. как несостоятельные и недостоверные по следующим причинам. Визуально сопоставив светокопии Соглашения от 17 февраля 2022 года: приложенную к письму председателя Коллегии адвокатов «Г.» Д. от 01 декабря 2022 года, приложенную к жалобе К. от 30 октября 2022 года, и изготовленные по результатам осмотра дважды представленного представителем заявителя К. – Ко. подлинного экземпляра данного соглашения, Квалификационная комиссия правильно установила, что внешний вид и расположение подписей сторон, а также рукописный текст в данных соглашениях, в том числе в преамбуле и в п. 1.1, 2.1, 4.1, 4.2, 4.4, 4.5, 7, полностью совпадают. На л. 5 каждой из указанных светокопий имеется расписка адвоката Э. следующего содержания: «03.03.2022 оплачено 2 тыс. долларов США, т.е. 150 т.р. по курсу». Данная рукописная запись также совпадает во всех трех светокопиях Соглашения от 17 февраля 2022 года, имея при этом одинаковые рукописные исправления, а именно: зачеркнута цифра 200, а в дате исправлен порядковый номер месяца. Вместе с тем, рукописная запись: «Зарегистрировано 17.02.2022. Бухгалтер» содержится лишь на светокопии Соглашения от 17 февраля 2022 года, поступившей в Адвокатскую палату города Москвы в приложении к письму председателя Коллегии адвокатов «Г.» Д. от 01 декабря 2022 года, а также на первом листе указанной светокопии, приложенном к письменным объяснениям адвоката Э. от 01 декабря 2022 года. Поскольку на подлинном экземпляре Соглашения от 17 февраля 2022 года, которое представитель заявителя К. – Ко. 07 марта 2023 года и 28 августа 2023 года представил на обозрение в Адвокатскую палату города Москвы, вышеуказанная запись от имени бухгалтера о регистрации соглашения отсутствует, Совет, с учетом совокупности описанных обстоятельств, признает установленным, что запись о регистрации соглашения выполнена не на подлинном экземпляре Соглашения от 17 февраля 2022 года, а на его копии. Согласно объяснениям представителя заявителя К. – Ко., указанная копия была изготовлена главным бухгалтером Коллегии адвокатов «Г.» 27 июля 2022 года при передаче К. повторного заявления К. о расторжении Соглашения от 17 февраля 2022 года – именно тогда Соглашение от 17 февраля 2022 года в указанном адвокатском образовании увидели впервые. Получение копии Соглашения от 17 февраля 2022 года Коллегией адвокатов «Г.» именно 27 июля 2022 года также подтверждается распиской главного бухгалтера Коллегии адвокатов «Г.» Щ. от 27 июля 2022 года о принятии повторного заявления К. о расторжении Соглашения от 17 февраля 2022 года, составленной на его первом листе, поскольку в списке приложенных к нему документов указана копия Соглашения от 17 февраля 2022 года. Более того, запись от имени бухгалтера о регистрации Соглашения от 17 февраля 2022 года содержит признаки недостоверности, поскольку она датирована 17 февраля 2022 года, при этом выполнена на копии экземпляра соглашения, которая не могла быть изготовлена раньше 03 марта 2022 года, поскольку в ней на л. 5 имеется расписка адвоката Э. от 03 марта 2022 года.

На недостоверность сведений о дате регистрации Соглашения от 17 февраля 2022 года указывает и фактическое поведение адвоката Э. в ходе дисциплинарного разбирательства, поскольку в приложении к письменным объяснениям от 01 декабря 2022 года им представлена только светокопия первого листа Соглашения от 17 февраля 2022 года с записью о его регистрации 17 февраля 2022 года, то есть без содержащейся на л. 5 расписки от 03 марта 2022 года.

При таких обстоятельствах Совет не может признать достоверными и сообщенные в письме председателя Коллегии адвокатов «Г.» Д. от 01 декабря 2022 года сведения о внесении адвокатом Э. вознаграждения в сумме 200 000 рублей, полученных им в качестве вознаграждения по Соглашению от 17 февраля 2022 года, по крайней мере, в части своевременности исполнения адвокатом Э. данной обязанности. Учитывая, что Соглашение от 17 февраля 2022 года в документации адвокатского образования не было зарегистрировано в день его заключения, квитанция к приходному кассовому ордеру, вопреки указанной в ней информации, явно не могла быть оформлена именно в этот день. По этой же причине не может рассматриваться как техническая ошибка несоответствие указанного в данной квитанции номера соглашения его фактическому номеру, указанному на экземпляре Соглашения от 17 февраля 2022 года, выданном доверителю К. Все эти несоответствия свидетельствуют о недостоверности в целом сведений, приведенных в данной квитанции. На это же указывает и составленная на л. 5 Соглашения от 17 февраля 2022 года расписка от 03 марта 2022 года, подтверждающая получение адвокатом Э. не 200 000 рублей, а 2 000 долларов США «т.е. 150 т.р. по курсу», и не 17 февраля 2022 года, а 03 марта 2022 года.

Объяснения представителя заявителя К. – Ко. в заседании Комиссии о том, что адвокат Э. получил от К. 200 000 рублей при подписании Соглашения от 17 февраля 2022 года, носят предположительный характер, тогда как сама заявитель К. указала в своей жалобе от 30 октября 2022 года, что 03 марта 2022 года адвокату Э. было оплачено 150 000 рублей, а в апреле 2022 года – 1 800 000 рублей за период с 03 апреля 2022 года по 31 декабря 2022 года. Эти доводы заявителя соответствуют составленным адвокатом Э. распискам на л. 5 и на обороте этого же листа Соглашения от 17 февраля 2022 года.

Совет считает необходимым также отметить, что если бы адвокатом Э. были исполнены обязанности по формализации отношений с доверителем К., то председателю Коллегии адвокатов «Г.» не было бы необходимости проводить с адвокатом Э. «разъяснительную беседу», о которой он сообщил в своем письме, содержание которого приведено выше.

В соответствии с п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» форма ордера утверждается федеральным органом юстиции. Согласно приказу Минюста РФ от 10 апреля 2013 года № 47 «Об утверждении формы ордера», зарегистрированному в Минюсте РФ 11 апреля 2013 года, в строке

«основания выдачи ордера», выданного на основании соглашения, указываются «реквизиты соглашения». Однако в ордере от 11 марта 2022 года № ..., представленном адвокатом Э. в уголовное дело, не указаны ни дата, ни номер соглашения, послужившего основанием для его выдачи. Этим также подтверждается, что Соглашение от 17 февраля 2022 года в день его заключения не было зарегистрировано в документации адвокатского образования.

Совет считает необходимым дополнительно отметить, что информация, изложенная в письме председателя Коллегии адвокатов «Г.» от 06 сентября 2022 года, не ставилась под сомнение и не корректировалась вплоть до 01 декабря 2022 года, что свидетельствует о том, что адвокат Э. не зарегистрировал Соглашение от 17 февраля 2022 года в документации адвокатского образования, не внес полученное вознаграждение в кассу либо на расчетный счет адвокатского образования, по крайней мере, по состоянию на 06 сентября 2022 года, а также не выдал доверителю К. финансовый документ, подтверждающий проведение операций с ее денежными средствами.

Проверяя доводы заявителя К. о том, что адвокат Э. получил от нее вознаграждение в размере 54 000 долларов США, возвратив лишь 7 000 долларов США, Совет отмечает, что заявителем представлены лишь доказательства получения адвокатом Э. денежных средств в размере 2 000 долларов США, а также денежных средств, эквивалентных 1 800 000 рублей в долларах США по курсу 80 рублей за один доллар США. В подтверждение данных платежей представителем заявителя К. – Ко. представлены две расписки адвоката Э.: на л. 5 Соглашения от 17 февраля 2022 года следующего содержания: «03.03.2022 оплачено 2 тыс. долларов США, т.е. 150 т.р. по курсу», и на обороте того же листа, следующего содержания: «Оплачено с 03.04.2022 по 31.12.2022 1 800 000 руб. (один миллион восьмьсот тысяч рублей) долларами в рублевом эквиваленте, т.е. по курсу 80 рублей за один америк. доллар». Не отрицая составление данных расписок, адвокат Э. утверждал, что расписка о получении вознаграждения в сумме, эквивалентной 1 800 000 рублей в долларах США, была им составлена не в связи с получением денежных средств, а во избежание их изъятия у К. сотрудниками правоохранительных органов, фактически задержавшими ее в городе Г., а также в надежде на последующее получение этих денежных средств в качестве вознаграждения по Соглашению от 17 февраля 2022 года. Заявитель К. факт своего выезда в ... не отрицает, указав в своей жалобе от 10 февраля 2023 года, что в апреле 2022 года она по приглашению адвоката Э. на его автомобиле приехала в город Г. вместе со своей матерью Ки. Однако заявитель К. настаивает на том, что адвокату Э. фактически были переданы денежные средства в сумме 54 000 долларов США, из которых адвокат Э. впоследствии возвратил 7 000 долларов США. При этом, согласно доводам заявителя, расписка в получении по Соглашению от 17 февраля 2022 года вознаграждения 1 800 000 рублей в долларовом эквиваленте за период оказания юридической помощи с

03 апреля 2022 года по 31 декабря 2022 года была составлена адвокатом Э. в конце апреля 2022 года в кафе «Д.», расположенном в Москве (...), в связи с фактической передачей К. адвокату Э. 24 000 долларов США. Из заявления К. от 27 апреля 2022 года о расторжении Соглашения от 17 февраля 2022 года следует, что указанная сумма была передана адвокату Э. 26 апреля 2022 года.

Поскольку адвокат Э. настаивал на том, что расписка в получении этих денег была составлена им на отдельном листе и не в связи с фактическим получением вознаграждения по Соглашению от 17 февраля 2022 года, Квалификационная комиссия предложила заявителю К. и адвокату Э. представить на обозрение подлинные экземпляры Соглашений от 17 февраля 2022 года в Адвокатскую палату города Москвы. В результате осмотра подлинного экземпляра Соглашения от 17 февраля 2022 года, представленного в Адвокатскую палату города Москвы на обозрение представителем заявителя К. – Ко., было установлено, что на оборотной стороне л. 5 Соглашения от 17 февраля 2022 года действительно имеется расписка адвоката Э. о получении 1 800 000 рублей в долларовом эквиваленте. В то же время адвокат Э. подлинный экземпляр Соглашения от 17 февраля 2022 года на обозрение в Адвокатскую палату города Москвы не представил.

При таких обстоятельствах, Совет признает установленным, что, вопреки позиции адвоката Э., расписка на оборотной стороне л. 5 Соглашения от 17 февраля 2022 года была составлена им в целях подтверждения получения им денежных средств (в долларах в сумме, эквивалентной 1 800 000 рублей), которые он рассматривал как вознаграждение по данному Соглашению. На это же указывает конкретизация адвокатом Э. периода, за который доверитель К. произвела оплату его юридической помощи – с 03 апреля 2022 года по 31 декабря 2022 года, равно как и то, что дата окончания данного периода соответствует дате окончания срока действия Соглашения от 17 февраля 2022 года, предусмотренного п. 2.1 Соглашения. Содержание составленной адвокатом Э. расписки свидетельствует о фактическом получении им суммы в долларах, эквивалентной 1 800 000 рублей на момент ее составления, исходя из обменного курса 80 рублей за 1 доллар США. Являясь профессиональным участником правоотношений, адвокат Э. не мог не отдавать себе отчет в том, что, составляя данную расписку, он признает факт получения вознаграждения от К. в указанной в ней сумме. На фактическое получение адвокатом Э. вознаграждения по Соглашению от 17 февраля 2022 года указывает и то, что в период действия Соглашения от 17 февраля 2022 года, а также и после его расторжения он не предъявлял к К. каких-либо требований о выплате вознаграждения.

Совет считает необходимым отметить непоследовательность и противоречивость объяснений адвоката Э., который первоначально сообщил, что копия расписки о получении оспариваемой суммы была передана им К. во избежание изъятия у нее всей суммы наличной валюты при ее

задержании, однако в дальнейшем стал утверждать, что составил расписку в городе Москве, а, выехав после ее составления в город Г., не застал там доверителя К. Кроме того, адвокат Э. утверждал, что, находясь в городе Москве, он сообщил сотрудникам правоохранительных органов о предназначении изъятых ими у К. денежных средств по телефону, что явно не требовало составления расписки. При этом ни одна из выдвинутых адвокатом Э. версий не может объяснить ни составления им указанной расписки на оборотной стороне Соглашения от 17 февраля 2022 года, ни наличие в его распоряжении в городе Москве в апреле 2022 года экземпляра Соглашения от 17 февраля 2022 года, выданного доверителю К., находившейся в этот момент в городе Г.

Учитывая изложенное, Совет признает доказанным, что адвокат Э. получил по Соглашению от 17 февраля 2022 года от доверителя К. вознаграждение в размере не менее 24 500 долларов США, по крайней мере, двумя платежами: 1) 03 марта 2022 года 2 000 долларов США; 2) в апреле 2022 года 22 500 долларов США (сумма, эквивалентная 1 800 000 рублей по курсу 80 рублей за 1 доллар США, указанному в составленной адвокатом Э. расписке). Совет отмечает, что 1 800 000 рублей при пересчете в доллары США по указанному в расписке курсу 80 рублей за 1 доллар США составляет 22 500 долларов США. Заявитель К. и ее представитель Ко. настаивали, что фактически указанная расписка была составлена в связи с передачей адвокату Э. 24 000 долларов США, а указанное несоответствие связано с ошибкой адвоката Э. при составлении расписки. Поскольку адвокат Э. получение данной части вознаграждения отрицал, Совет факт данной ошибки не может признать установленным и признает доказанным получение адвокатом Э., как минимум, суммы 22 500 долларов США, признанной им эквивалентной 1 800 000 рублей.

Далее Совет считает необходимым дать оценку описанному в жалобе К. от 07 марта 2023 года поведению адвоката Э. после предъявления доверителем К. к нему требований о возврате неотработанного вознаграждения.

Из обстоятельств настоящего дисциплинарного производства следует, что неисполнение адвокатом Э. обязанностей по формализации отношений с доверителем сопровождалось его активными действиями, направленными на воспрепятствование реализации права К. на возвращение ей неотработанной адвокатом Э. части вознаграждения. Эти действия были предприняты им еще до обращения К. с первоначальной жалобой в Адвокатскую палату города Москвы 30 октября 2022 года. Адвокат Э. не только не внес данное вознаграждение в кассу либо на расчетный счет адвокатского образования, но и занял позицию полного отрицания его получения авансом в счет оплаты юридической помощи за период с 03 апреля 2022 года по 31 декабря 2022 года, которую он обязался оказать К. по Соглашению от 17 февраля 2022 года. Так, согласно сведениям, содержащимся в приведенном выше письме председателя Коллегии адвокатов «Г.» Д. от 06 сентября 2022 года, адвокат Э. отрицал получение указанных денежных средств. С учетом того, что

получение вышеуказанного вознаграждения прямо подтверждено распиской, составленной самим адвокатом Э., такое его поведение подорвало доверие К. к нему, во многом обусловив обращение с рассматриваемыми жалобами. В письменных объяснениях адвоката Э. от 30 августа 2022 года (то есть, за два месяца до даты направления К. ее первой жалобы в Адвокатскую палату города Москвы) на имя председателя Коллегии адвокатов «Г.» Д., представленных им именно в связи с предъявлением к нему претензий доверителем К. и ее представителем – Ко., адвокат Э. стал утверждать, что «в рамках заключенного соглашения» им получено от К. «2 000 долларов США (по курсу ЦБ РФ 75 рублей за 1 доллар США) и 50 000 рублей», тогда как «иные денежные средства, о которых утверждает К. в заявлении», адвокату Э. «не передавались, документы, подтверждающие оплату услуг, К. не представила, ссылаясь на то, что деньги ею передавались якобы третьим лицам». На основании этого объяснения председатель Коллегии адвокатов «Г.» Д. в своем письме К. указал, что адвокат Э. отрицает получение указанных К. денежных средств. При этом, как указано выше, получение адвокатом Э., по крайней мере, 2 000 долларов США и 1 800 000 рублей долларами в рублевом эквиваленте по курсу 80 рублей за один доллар США было подтверждено двумя его расписками, составленными на Соглашении от 17 февраля 2022 года.

Таким образом, адвокат Э. сообщил председателю Коллегии адвокатов «Г.» Д. заведомо ложную информацию, которая затем была доведена последним до сведения доверителя адвоката Э. – К. При этом адвокат Э. не мог не понимать, что данная информация будет использована указанным руководителем адвокатского образования при рассмотрении обращения К. и доведена до ее сведения. Не ставя под сомнение право адвоката формировать защитительную позицию в ходе дисциплинарного производства по своему усмотрению, Совет, вместе с тем, отмечает, что переговоры с доверителем, предшествующие подаче им жалобы в адвокатскую палату субъекта Российской Федерации, играют важную роль в разрешении возникающих между адвокатом и его доверителем конфликтных ситуаций и должны быть использованы адвокатом не для уловок, а для сохранения или восстановления доверительных отношений. Именно исход таких переговоров во многом формирует мнение доверителя об адвокате, а также определяет предпринимаемые доверителем дальнейшие действия в связи с возникшими у него с адвокатом разногласиями. На раннем этапе развития конфликта между адвокатом и его доверителем ущерб, причиненный их доверительным отношениям, еще не является необратимым и может быть восполнен разумными и добросовестными действиями адвоката, обязанного в силу Кодекса профессиональной этики адвоката при всех обстоятельствах проявлять заботу о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры. Представление же адвокатом доверителю (прямо или опосредованно) заведомо недостоверной информации явно не соответствует этой основополагающей обязанности. В связи с этим, Совет приходит к выводу, что предоставление адвокатом ложной информации в ходе

рассмотрения претензий его доверителя, предъявленных через адвокатское образование, является недопустимым проявлением недобросовестности, которое по своему существу ничем не отличается от прочих форм введения адвокатом в заблуждение доверителя. Такие действия адвоката лишь углубляют возникающие между ним и его доверителем противоречия, препятствуют их возможному примирению в ходе дисциплинарного производства, а потому не могут рассматриваться иначе как действия адвоката, направленные к подрыву доверия к нему.

Адвокат Э. во взаимоотношениях с доверителем К. действовал как лицо, обладающее статусом адвоката, и воспринимался ею именно как адвокат. В связи с этим, Совет отмечает, что согласно п. 1 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, «убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему». В силу п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, «адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре».

С учетом всей совокупности описанных выше обстоятельств адвокат Э. не мог не понимать, что занятая им во взаимоотношениях с доверителем К. позиция непризнания получения денежных средств, эквивалентных 1 750 000 рублей (1 800 000 рублей за вычетом признанного адвокатом Э. получения 50 000 рублей), в счет оплаты авансом юридической помощи, которую он обязался оказать К., подрывает доверие К. к нему как к адвокату.

Учитывая изложенное, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Э. опровергнутой в рассмотренной части дисциплинарных обвинений, а его вину в совершении описанных выше дисциплинарных нарушений – установленной.

Вместе с тем, получение адвокатом Э. иных сумм, в том числе 200 000 рублей и 32 500 долларов США «за решение вопроса о прекращении уголовного дела» заявителем К. не доказано. Выплата дополнительной суммы в размере 32 500 долларов США явно превышает общий размер вознаграждения, предусмотренного Соглашением от 17 февраля 2022 года, и доказательств того, что адвокат Э. требовал выплаты ему вознаграждения, превышающего размер вознаграждения, предусмотренный Соглашением от 17 февраля 2022 года, заявителем не представлено. Иных соглашений об оказании юридической помощи между участниками дисциплинарного производства не заключалось. Равным образом, не представлено заявителем доказательств передачи Ко. в присутствии свидетелей адвокату Э. 200 000 рублей за оказание юридической помощи К., о чем представитель заявителя К. – Ко. утверждал в заседании Квалификационной комиссии. В связи с этими доводами, Совет обращает внимание заявителя К., что в соответствии пп. 2 п. 1 ст. 161 ГК РФ сделки граждан между собой на сумму, превышающую десять тысяч рублей, а в случаях, предусмотренных законом, – независимо от суммы сделки должны совершаться в простой письменной форме, за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения. Согласно п. 1 ст. 162 ГК РФ несоблюдение простой письменной формы

сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства. Поскольку письменные доказательства заявителем К. не представлены, дисциплинарное производство в части данных доводов подлежит прекращению.

Переходя к рассмотрению дисциплинарных обвинений в самоустранении адвоката Э. от оказания юридической помощи доверителю К., Совет учитывает следующие обязательные для членов профессионального сообщества адвокатов требования, сформулированные в Разъяснении Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 29 апреля 2020 года № 02/20 о некоторых вопросах полномочий адвоката при осуществлении защиты на стадии предварительного расследования (Утверждено Решением Совета ФПА РФ от 29 апреля 2020 года): «Адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе, и должен выполнять обязанности защитника, включая, при необходимости, подготовку и подачу апелляционной жалобы на приговор суда. Адвокат, принявший поручение на защиту в стадии предварительного следствия в порядке назначения или по соглашению, не вправе отказаться без уважительных причин от защиты в суде первой инстанции (п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката). <...> Из вышеизложенного следует, что адвокат обязан обжаловать постановление суда первой инстанции об избрании его подзащитному меры пресечения при наличии его просьбы независимо от того, участвует он в деле по назначению либо по соглашению, а также обязан принять участие в судебном заседании апелляционной инстанции при рассмотрении жалобы на постановление суда первой инстанции об избрании меры пресечения при наличии просьбы об этом подзащитного либо в случае, если участие защитника в судебном заседании апелляционной инстанции в соответствии со статьями 51 и 389.11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации является обязательным. Исключением может являться случай, когда предмет соглашения включает лишь участие адвоката в заседании суда первой инстанции при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения и не включает защиту доверителя на стадии предварительного расследования в целом. Неявка адвоката, участвующего в деле на основании соглашения, в судебное заседание по избранию меры пресечения не освобождает его от необходимости обжалования постановления суда об избрании меры пресечения. <...>

Настоящее Разъяснение вступает в силу и становится обязательным для всех адвокатских палат и адвокатов после утверждения Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и опубликования на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в сети «Интернет»» (*Разъяснение опубликовано в Вестнике Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2020. № 2 (70). С. 84-86, а также на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.*

Федерации // https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-commissions/clarification-of-the-commission-on-ethics-and-standards_02-20/>).

В соответствии с пп. 1-3 п. 4 абз. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат-защитник обязан обжаловать приговор по просьбе подзащитного; если суд не разделил позицию адвоката-защитника и (или) подзащитного и назначил более тяжкое наказание или наказание за более тяжкое преступление, чем просили адвокат и (или) подзащитный; при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам. Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату (абз. 2 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Вопрос о мере пресечения разрешается судом при постановлении приговора и является его составной неотъемлемой частью (п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). Поэтому содержание пп. 3 п. 4 абз. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, с учетом обязанности адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, распространяется не только на сам приговор суда, но и на все другие процессуальные решения по вопросам, разрешаемым при его постановлении, в том числе и на судебные решения по вопросу об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (домашнего ареста) и продлении срока содержания под стражей (домашнего ареста). Данная правовая позиция неоднократно публиковалась в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (См., например, *Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. № 1-3*).

Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (далее Стандарт), принятый VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, предусматривает, что: «Адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного» (п. 9); «Защитник участвует в следственных и процессуальных действиях, проводимых с участием подзащитного либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника, а также в судебных заседаниях по уголовному делу, за исключением случаев, когда такое участие не является обязательным в силу закона и отсутствия просьбы подзащитного. Защитник должен знакомиться с протоколами процессуальных действий, проводимых с его участием, на всех стадиях уголовного процесса и при необходимости приносить на них замечания» (п. 10); «Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты. Адвокат участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых им на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов»

(Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57). С. 140-142).

Рассматривая обстоятельства настоящего дисциплинарного производства во взаимосвязи с этими обязательными профессионально-этическими предписаниями, Совет констатирует, что предмет поручения, принятого адвокатом Э. согласно п. 1.1 Соглашения от 17 февраля 2022 года, предусматривал «защиту прав и интересов доверителя во всех государственных, правоохранительных и судебных органах города Москвы». Из этой формулировки следует, что адвокат Э., несущий перед доверителем ответственность за четкое и недвусмысленное формулирование предмета поручения как профессиональный участник правоотношения с ним, принял поручение по оказанию К. юридической помощи, в том числе и в уголовном судопроизводстве. В подтверждение исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем К. адвокат Э. неоднократно в ходе дисциплинарного разбирательства указывал на то, что после заключения Соглашения от 17 февраля 2022 года он совершил в интересах К. следующие действия в уголовном судопроизводстве:

10 марта 2022 года принял участие в рассмотрении Б. районным судом города Москвы жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ о признании незаконным и необоснованным постановления о возбуждении уголовного дела в отношении К.;

11 марта 2022 года вступил в уголовное дело № ... в качестве защитника К. и принял участие в ознакомлении с четырьмя постановлениями о назначении фоноскопических судебных экспертиз, а также в дополнительном допросе обвиняемой К.;

28 апреля 2022 года принял участие в заседании Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, в котором было принято решение о даче согласия на исполнение определения Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2022 года об избрании в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу;

11 мая 2022 года и 27 мая 2022 года имел свидания с подзащитной К. в ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по городу Москве, а также неоднократно встречался с К. до момента ее задержания и заключения под стражу;

в период с 15 марта 2022 года до 28 июля 2022 года неоднократно направлял в интересах К. в связи с ее уголовным преследованием жалобы и иные письменные обращения, на которые получал ответы.

Однако заявитель К. и ее представитель Ко. последовательно настаивали на том, что вышеуказанная процессуальная активность адвоката Э. была не только недостаточна, но и поверхностна, поскольку не была основана на надлежащем ознакомлении адвоката Э. с доступными материалами уголовного дела. Кроме того, заявитель К. указывала на то, что свидания адвоката Э. с ней в СИЗО были направлены на «вымогательство у нее денег», его жалобы и обращения в ее интересах были однотипными и бессодержательными, а в заседании Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации 28 апреля 2022 года адвокат Э. принял участие

вопреки воле К., которая в тот день нуждалась в юридической помощи адвоката Э. в больнице в связи с ее задержанием для заключения под стражу. Наличие переписки между адвокатом Э. и Ко. с декабря 2021 года последний объяснил не оказанием адвокатом Э. юридической помощи, а его попытками навязать себя К. и склонить ее к заключению с ним соглашения об оказании юридической помощи. В обоснование довода о самоустранении адвоката Э. от оказания юридической помощи по Соглашению от 17 февраля 2022 года заявитель К. и ее представитель – Ко. указали, что адвокат Э. не принял участие в наиболее значимых («судьбоносных» в их терминологии) судебных заседаниях по рассмотрению постановлений о возбуждении перед судом ходатайств об избрании в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу, а также о продлении срока ее содержания под стражей, а также не обжаловал судебные решения по этим вопросам.

Квалификационная комиссия правильно установила, что адвокат Э.: не явился 18 апреля 2022 года в судебное заседание Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, по результатам которого в отношении К. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу; не обжаловал определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2022 года об избрании в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу в апелляционном порядке; не явился 22 апреля 2022 года в судебное заседание Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению апелляционной жалобы адвоката К.А. на указанное определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации; не явился 18 мая 2022 года в судебное заседание П. районного суда города Москвы, по результатам которого был продлен срок содержания К. (Х.) под стражей; не обжаловал в апелляционном порядке постановление П. районного суда города Москвы от 18 мая 2022 года о продлении срока содержания К. (Х.) под стражей; не явился 23 июня 2022 года в заседание Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению административного искового заявления Х. (К.) об отмене решения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 28 апреля 2022 года о даче согласия на исполнение определения Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2022 года об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении судьи Арбитражного суда города Москвы в отставке Х. (до перемены имени – К.); не обжаловал решение Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2022 года по этому же административному делу; не явился в судебное заседание Московского городского суда 18 июля 2022 года по рассмотрению апелляционной жалобы защитника на постановление П. районного суда города Москвы от 18 мая 2022 года о продлении срока содержания Х. (ранее К.) под стражей.

Факты неявок адвоката Э. в вышеуказанные судебные заседания, а также необжалования вышеуказанных судебных решений подтверждены материалами дисциплинарного производства и не отрицаются адвокатом Э.

В заключении Квалификационной комиссии приведен анализ доказательств, подтверждающих эти факты.

В результате дисциплинарного разбирательства также установлено, что наряду с адвокатом Э. защиту К. осуществляли адвокаты К.А. и Н., в результате чего в вышеперечисленных судебных заседаниях защита К. была обеспечена этими защитниками. Кроме того, адвокат К.А. обжаловал в апелляционном порядке как определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2022 года об избрании в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу, так и постановление П. районного суда города Москвы от 18 мая 2022 года, которым был продлен срок ее содержания под стражей.

Адвокат Э. был осведомлен об оказании К. юридической помощи другими адвокатами и использовал это обстоятельство. Так, в ходе переписки со следователем К.П. посредством мессенджера WhatsApp 06 апреля 2022 года в ответ на вопрос следователя о намерении адвоката Э. участвовать в судебном заседании Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению ходатайства об избрании в отношении К. меры пресечения адвокат Э. сообщил: «Там должны быть К.А. и Н. Я не основной адвокат. Я улетаю в командировку». Оспаривая свое самоустранение от оказания юридической помощи К., адвокат Э. утверждал, что он не оказывал К. соответствующей юридической помощи как в связи отсутствием специальных на то поручений доверителя, так и в связи с тем, что она и ее представитель – Ко. требовали от него и его коллег не являться в судебные заседания. Адвокат Э. также утверждал, что «в силу того, что в деле, кроме адвоката Э. защиту К. осуществляли адвокаты К.А. и Н., участие каждого адвоката в следственных мероприятиях определяла К., которая периодически необоснованно обвиняла всех либо в слабости, либо в продажности».

В этой связи Совет отмечает следующее. Когда защиту одного доверителя в уголовном судопроизводстве осуществляют несколько адвокатов, вопросы распределения обязанностей между ними разрешаются с учетом воли доверителя, исходя из принципов разумности, добросовестности, а также достаточности прилагаемых усилий для соблюдения универсальных требований об активном и своевременном исполнении профессиональных обязанностей адвоката в объеме, определенном соглашением об оказании юридической помощи и Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве. Такая организация оказания юридической помощи допустима при соблюдении совокупности следующих условий: адвокаты-защитники распределили между собой весь необходимый объем оказания юридической помощи таким образом, что между ними отсутствуют разногласия или недопонимание по вопросу о том, кто из них должен оказывать каждый конкретный вид юридической помощи; такое распределение должно быть согласовано с доверителем, который в явной и недвусмысленной форме должен одобрить его или, как минимум, заявить об отсутствии возражений. Несоблюдение

любого из этих условий обязывает всех адвокатов, заключивших соглашение с доверителем, оказывать юридическую помощь в полном объеме в соответствии с предметом поручения, выполняя все необходимые и достаточные виды юридической помощи. В этом случае каждый из адвокатов обязан участвовать в следственных и/или иных процессуальных действиях, в судебных заседаниях, в подготовке жалоб и оказании иных видов юридической помощи, не испрашивая и не дожидаясь дополнительных специальных поручений доверителя на совершение каждого действия и не ссылаясь на иных защитников доверителя. С учетом изложенного, Совет не считает необходимым дачу каких-либо дополнительных разъяснений по вопросу о способе формализации распределения профессиональных обязанностей между несколькими адвокатами-защитниками одного доверителя, поскольку единственным требованием к нему является соблюдение совокупности перечисленных выше условий, и выбор такого способа не вызывает сложностей и реальных разногласий в адвокатской практике. При рассмотрении спорных вопросов об исполнении профессиональных обязанностей адвокатом, оказывающим юридическую помощь доверителю совместно с другим(-и) адвокатом(-ами), органы адвокатского самоуправления должны исходить из содержания предмета поручения, вытекающего из него объема необходимых действий по оказанию юридической помощи и соблюдения указанных выше условий распределения обязанностей между адвокатами. Исходя из общих постулатов доказательственного права, недопустимо возложение на заявителя обязанности доказывать отрицательные факты, а именно того, чего не существовало в реальной действительности (применительно к рассматриваемой ситуации недопустимо возложение на заявителя обязанности доказывания отсутствия согласованного с доверителем распределения между адвокатами обязанностей по оказанию юридической помощи).

Указанные выше замечания носят общий характер и не влияют на вывод Квалификационной комиссии по рассматриваемому дисциплинарному обвинению, поскольку представитель заявителя К. – Ко. последовательно утверждал, что никакого распределения обязанностей между защитниками К. не существовало и не могло существовать, тем более, что адвокат Э. не общался с адвокатом К.А. К. требовала участия адвоката Э. в указанных судебных заседаниях, а отсутствие прямых письменных требований и поручений о его участии в судебных заседаниях связано, во-первых, с ее тяжелым психологическим состоянием вследствие незаконного уголовного преследования ее и ее сына, а во-вторых, с тем, что сотрудники правоохранительных органов не предоставляли ей достаточного времени для общения с адвокатом. Кроме того, эта обязанность адвоката Э. представлялась ей очевидной и без таких поручений. Доводы представителя заявителя К. – Ко. о тяжелом психологическом состоянии К. подтверждаются и объяснениями самого адвоката Э. о том, что К. говорила ему, что «совершит суицид, если ее арестуют».

При таких обстоятельствах, а также учитывая, что объем юридической помощи, оказываемой К. адвокатом Э., был сформулирован в п. 1.1 Соглашения от 17 февраля 2022 года и не был каким-либо образом ограничен, Совет при определении фактических договоренностей адвоката Э. и К. об объеме оказываемой юридической помощи руководствуется требованиями Стандарта, а также общим правилом ч. 2 ст. 431 ГК РФ в соответствии с которым в случае, если предусмотренные ч. 1 ст. 431 ГК РФ правила толкования договора не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

В данном случае представитель заявителя К. – Ко. последовательно утверждал, что никакого распределения обязанностей адвокатов не было, а также что и адвокат К.А., и адвокат Э. были обязаны являться во все следственные действия. Он также утверждал: «все, что должен был делать адвокат Э. – это участвовать в судебных заседаниях, а также следственных и иных процессуальных действиях как адвокат, из-за того, что этого не мог делать я, поскольку меня к участию в уголовном судопроизводстве в качестве защитника К. не допускали».

Сопоставив указанные последовательные объяснения представителя заявителя К. – Ко. с фактическими обстоятельствами, содержащимися в материалах дисциплинарного производства и приведенными в заключении Квалификационной комиссии, Совет приходит к выводу о том, что заявитель К. ни в какой форме не освобождал адвоката Э. от участия в вышеуказанных судебных заседаниях, в которые он не явился, а также от обжалования вынесенных судами решений, которые он не обжаловал.

Так, представитель заявителя К. – Ко. указал, что 18 мая 2022 года при рассмотрении постановления о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания К. под стражей П. районным судом города Москвы в судебное заседание явилась адвокат Ф., которая пояснила, что ее прислал адвокат Э. Но она не была допущена к участию в деле, поскольку не подтвердила свои полномочия, а К. сообщила, что видит эту женщину впервые и не заключала с ней соглашение об оказании юридической помощи. Адвокат Э. данные объяснения представителя заявителя не оспаривал, и они подтверждаются протоколом судебного заседания, содержание которого подробно проанализировано в заключении Квалификационной комиссии. Следовательно, адвокат Э. действительно счел необходимым привлечь к оказанию К. юридической помощи адвоката ФА. вместо себя и без какого-либо согласования с доверителем К. Указанные обстоятельства приводят Совет к выводу о том, что адвокат Э., осознавая необходимость своего участия в судебном заседании П. районного суда города Москвы, но не явившись в него, попытался избежать предъявления к нему обоснованных

претензий со стороны доверителя К. путем привлечения к оказанию юридической помощи ей другого адвоката.

На то, что адвокат Э. действительно в полном объеме принял на себя обязательство по участию в качестве защитника К., указывают и обстоятельства расторжения Соглашения от 17 февраля 2022 года.

Так, довод представителя заявителя К. – Ко. о том, что решение о расторжении Соглашения от 17 февраля 2022 года было принято К. именно в связи с неисполнением адвокатом Э. обязанностей защитника, подтверждается тем, что именно после его неявок в заседания Судебной и Апелляционной коллегий Верховного Суда Российской Федерации, соответственно, 18 и 22 апреля 2022 года К. подписала заявление о расторжении Соглашения от 17 февраля 2022 года, в котором также потребовала от адвоката Э. вернуть выплаченное ему вознаграждение. При этом она поручила Ко. направить данное заявление адвокату Э. не сразу, а лишь в том случае, если тот продолжит уклоняться от оказания ей юридической помощи, и активные действия по расторжению Соглашения от 17 февраля 2022 года и истребованию от адвоката Э. неотработанного вознаграждения Ко. начал предпринимать с мая-июня 2022 года, что хронологически соответствует неявке адвоката Э. в судебное заседание П. районного суда города Москвы 18 мая 2022 года, а также его последующему бездействию в виде необжалования в апелляционном порядке вынесенного этим судом постановления. С заявлением об отказе от защитника – адвоката Э. К. обратилась к следователю 01 июня 2022 года также после неявки адвоката Э. в указанное судебное заседание и необжалования вынесенного судом постановления. Совокупность перечисленных обстоятельств указывает на то, что к окончательному решению о расторжении Соглашения от 17 февраля 2022 года К. пришла именно в связи с неоднократным неисполнением адвокатом Э. профессиональных обязанностей перед ней в виде неявок в судебные заседания и необжалования судебных актов, а также на достоверность объяснений заявителя и ее представителя о том, что К. требовала от адвоката Э. участия в этих судебных заседаниях.

То, что разногласия между доверителем К. и адвокатом Э. возникли именно на фоне самоустранения последнего от оказания юридической помощи по Соглашению от 17 февраля 2022 года, убедительно демонстрирует и поведение адвоката Э., который, вопреки не только законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре, но и здравому смыслу, продолжал совершать в интересах К. юридически значимые действия уже после того, как 08 июля 2022 года он не только узнал от следователя о том, что К. от его юридической помощи отказалась, но и попросил следователя «скинуть» копию этого заявления К., чтобы «закрыть» соглашение с ней. Так, из письменных объяснений адвоката Э. на имя председателя Коллегии адвокатов «Г.» Д. от 30 августа 2022 года следует, что адвокатом Э. 11 июля 2022 года подготовлены и поданы: «жалоба УППЧ по г. Москве с просьбой вмешаться в сложившуюся ситуацию и принять все необходимые меры для соблюдения прав и законных интересов К., а также

организовать проверку изложенных в обращении фактов нарушения требований законов при проведении доследственной проверки и возбуждении уголовного дела в отношении действующего федерального судьи К.»; «жалоба Депутату ГД ФС РФ Д. с просьбой организовать на уровне руководства Генеральной прокуратуры РФ проверку изложенных в обращении фактов нарушения требований закона при возбуждении и расследовании уголовного дела в отношении К.»; «жалоба Председателю ГД ФС РФ, в которой предлагается вмешаться в сложившуюся ситуацию и принять все необходимые меры для соблюдения прав и законных интересов К., а также организовать проверку изложенных в обращении фактов нарушения требований законов при проведении доследственной проверки и возбуждении уголовного дела в отношении действующего федерального судьи К.». 28 июля 2022 года им подготовлены и поданы: «жалоба в ГП РФ на бездействие органов предварительного следствия и на волокиту по уголовному делу, в которой предлагается проверить изложенную в данной жалобе информацию о бездействии ответственных лиц органов следствия. Признать бездействие следователя ГСУ Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве незаконным и обязать устранить допущенные нарушения»; «жалоба председателю СК РФ на незаконное уголовное преследование К., бездействие органов предварительного следствия и на волокиту по уголовному делу, в которой предлагается признать бездействие следователя ГСУ Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве незаконным и обязать устранить допущенные нарушения. Взять на личный контроль ход расследования уголовного дела № ... в связи с тем, что следователем ГСУ Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве нарушен разумный срок расследования уголовного дела, предусмотренный ст. 6.1 УПК РФ, и проконтролировать вынесение законного и обоснованного итогового решения по нему, а также исключить возможную волокиту. Применить меры по недопущению волокиты и искусственного затягивания процессуальных сроков по уголовному делу в отношении К.».

Совет подчеркивает, что пять вышеуказанных обращений адвоката Э. от 11 и 28 июля 2022 года были подготовлены и поданы уже после того, как 28 июня 2022 года постановлением следователя К.П. заявление К. об отказе от защитника – адвоката Э. удовлетворено. С учетом осведомленности адвоката Э. об отказе К. от его юридической помощи, по крайней мере, с 08 июля 2022 года, такая активность адвоката Э. не может рассматриваться как добросовестное исполнение профессиональных обязанностей, поскольку она была явно направлена на создание видимости активного оказания К. юридической помощи уже после того, как последняя от защитника Э. отказалась именно в связи с неисполнением им своих профессиональных обязанностей. Такие обращения адвоката Э. в отсутствие полномочий не могут рассматриваться как действия в интересах К., поскольку совершены вопреки ее ясно выраженному волеизъявлению об отказе от его юридической помощи. При этом доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в

любой момент производства по уголовному делу, и такой отказ ликвидирует само основание участия адвоката в уголовном судопроизводстве (*Разъяснения № 3 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвоката-защитника по соглашению // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2007. № 4-5 (42-43). С. 15-18).*

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о том, что адвокат Э. понимал и ожидал, что К. предъявит к нему претензии именно в связи с его самоустранением от оказания ей юридической помощи, и, пытаясь избежать ответственности перед доверителем, узнав, что К. отказалась от его юридической помощи 01 июня 2022 года, стал предпринимать умышленные действия, направленные на создание видимости исполнения профессиональных обязанностей перед ней и частичной отработки полученного вознаграждения.

Принимая во внимание установленные в результате дисциплинарного разбирательства многочисленные факты недобросовестного поведения адвоката Э., Совет приходит к выводу о том, что его объяснения о систематически поступавших к нему от К. просьбах не принимать участия в судебных заседаниях являются защитительной позицией, которая опровергается вышеприведенными доказательствами. Ссылка адвоката Э. в переписке со следователем К.П. на то, что он «не основной адвокат», также является уловкой и никак не свидетельствует о волеизъявлении К. об освобождении адвоката Э. от оказания ей юридической помощи в данном судебном заседании. Содержащееся же в переписке адвоката Э. и К. мнение К. о том, что другой ее защитник – адвокат К.. «мягкий» и «не ее боец», дополнительно подтверждает, что она ожидала от адвоката Э. активного оказания ей юридической помощи.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат Э. обязан был принимать участие в качестве защитника (представителя) К. во всех судебных заседаниях, связанных с ее уголовным преследованием. Необходимость его участия в них, равно как и необходимость обжалования вынесенных по их результатам судебных решений, следовали как из предмета поручения, сформулированного в п. 1.1 Соглашения от 17 февраля 2022 года, так и из вышеприведенных норм профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 9, 10 Стандарта. Совет считает, что именно самоустранение адвоката Э. от защиты прав и интересов доверителя К. явилось основной причиной расторжения Соглашения от 17 февраля 2022 года и последующего предъявления к нему дисциплинарных и финансовых претензий. Фактически юридическая помощь адвоката Э. по Соглашению от 17 февраля 2022 года была сведена к направлению вышеуказанных обращений без поручения К. и после расторжения Соглашения от 17 февраля 2022 года, а также к участию до вступления в уголовное дело в обособленном судебном производстве 10 марта 2022 года, двукратному посещению К. в СИЗО, а также к участию в процессуальных действиях в качестве защитника К. 11 марта 2022 года в течение трех часов.

На фоне осуществляемой органами следствия и их должностными лицами масштабной обвинительной деятельности, направленной на привлечение К. к уголовной ответственности и породившей необходимость участия ее защитников в различных следственных и иных процессуальных действиях, судебных заседаниях, обжалования вынесенных по их результатам процессуальных решений, такой незначительный объем юридической помощи адвоката Э. со всей очевидностью не может рассматриваться в качестве надлежащего исполнения им своих профессиональных обязанностей перед доверителем. Доказательств оказания адвокатом Э. иной юридической помощи К., в том числе и до заключения Соглашения от 17 февраля 2022 года, в материалах дисциплинарного производства не содержится.

Это приводит Совет к выводу о том, что описанное профессиональное поведение адвоката Э. в качестве защитника К. носило характер самоустранения от оказания К. юридической помощи.

В ходе дисциплинарного производства также установлено, что, помимо оказания перечисленной юридической помощи, адвокат Э. на своем автомобиле вывез обвиняемую К. в ..., где последней были неоднократно изменены имя и фамилия [Из Решения О. районного суда города Г. ... от 09 августа 2022 года (вх. № ... от 24.01.2023) о восстановлении записи акта гражданского состояния следует, что сначала имя и фамилия К. были изменены на Х., а затем фамилия Х. изменена на ... – Примечание Совета]. Хотя в письменных объяснениях адвоката Э. на имя председателя Коллегии адвокатов «Г.» Д. от 30 августа 2022 года адвокат Э. стал утверждать, что К. «без его ведома» «в марте-апреле» 2022 года, в момент нахождения адвоката Э. в городе Москве, выезжала на территорию ..., где «вступила в сговор» с неизвестными ему лицами, изменив свои персональные данные на Х., «возможно в целях скрыться от органов следствия и суда», в ходе дисциплинарного разбирательства адвокат Э., признал, что вывез К. и ее мать в ... из города Н. Р. области на личном автомобиле. Указанные обстоятельства дают основания полагать, что именно содействие адвокатом Э. обвиняемой К. в смене имени и фамилии, а не оказание ей юридической помощи, очевидно, и рассматривалось им в качестве своей задачи. Вместе с тем, поскольку заявителем К. не выдвинуты дисциплинарные обвинения ни в связи с организацией адвокатом Э. ее поездки в ..., ни в связи с возможным разглашением адвокатом Э. адвокатской тайны в его письменных объяснениях от 30 августа 2022 года, составленных до возбуждения дисциплинарного производства, Совет лишен возможности сформулировать правовые выводы относительно этих обстоятельств.

Далее, для выяснения объема процессуальных действий, в которых был обязан принимать участие адвокат Э. в качестве защитника (представителя) К., Совет считает необходимым определить момент отказа К. от Соглашения от 17 февраля 2022 года, поскольку такой отказ ликвидировал само основание оказания адвокатом Э. юридической помощи названному доверителю. Совет учитывает, что в повторном заявлении от 27 июля 2022

года Ко., в числе прочего, указал, что «Соглашение № ... от 17.02.2022 г. расторгнуто с 01 апреля 2021 г.». Однако указанная дата является явно ошибочной, каких-либо доказательств расторжения Соглашения от 17 февраля 2022 года в этот день не имеется. Как указано выше, свое волеизъявление на расторжение Соглашения от 17 февраля 2022 года К. в письменной форме изложила 27 апреля 2022 года, однако это волеизъявление не являлось окончательным, поскольку К. поручила направить свое заявление адвокату Э. только в том случае, если тот продолжит уклоняться от оказания юридической ей помощи. Как установлено материалами дисциплинарного производства, данное заявление было направлено в Коллегию адвокатов «Г.» 20 июля 2022 года, и этому предшествовали попытки получить от адвоката Э. неотработанное им вознаграждение в мае-июне 2022 года. Вместе с тем, из материалов дисциплинарного производства усматривается, что после неявки адвоката Э. 18 мая 2022 года в судебное заседание П. районного суда города Москвы К. обратилась к следователю с заявлением от 01 июня 2022 года об отказе от защитника Э., в котором указала на факт расторжения Соглашения от 17 февраля 2022 года, а 07 и 10 июня 2022 года через администрацию ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по городу Москве информировала об этом же самого адвоката Э. В связи с этим Совет признает установленным, что датой отказа К. от Соглашения от 17 февраля 2022 года является 01 июня 2022 года – дата заявления К. следователю об отказе от защитника – адвоката Э. С этого момента К. не имела правовых оснований требовать от адвоката Э. продолжать оказывать ей юридическую помощь.

Учитывая изложенное, Совет признает презумпцию адвоката Э. опровергнутой и в части данного дисциплинарного обвинения, а его умышленную вину в неисполнении профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившемся в самоустранении от оказания ей юридической помощи при описанных обстоятельствах – установленной.

В то же время, Совет не усматривает оснований для выводов о самоустранении адвоката Э. от оказания юридической помощи К. после ее отказа 01 июня 2022 года от его юридической помощи. По этой причине не могут быть признаны обоснованными дисциплинарные обвинения, выдвинутые в отношении адвоката Э.: в неявке 23 июня 2022 года в заседание Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению административного искового заявления Х. об отмене решения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 28 апреля 2022 года; в необжаловании вынесенного по его результатам судебного решения; в неявке в судебное заседание Московского городского суда 18 июля 2022 года о рассмотрении материала № ... по апелляционной жалобе защитника обвиняемой Х. (ранее – К.) на постановление П. районного суда города Москвы от 18 мая 2022 года. В части этих дисциплинарных обвинений дисциплинарное производство подлежит прекращению.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарных обвинений в необжаловании адвокатом Э. апелляционного определения

Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2022 года и в неоказании ей юридической помощи 28 апреля 2022 года при ее задержании и заключении под стражу, поскольку он предпочел участие в заседании Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, в котором было вынесено решение о даче согласия на исполнение определения Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2022 года об избрании в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу. Участие адвоката в одном из двух процессуальных действий, одновременно проводимых в отношении доверителя, не может квалифицироваться как самоустранение адвоката от оказания доверителю юридической помощи, в то время как именно такое дисциплинарное обвинение выдвинуто заявителем в отношении адвоката Э. в данной части. Вместе с тем, Совет отмечает, что выбор способа оказания юридической помощи доверителю в такой ситуации должен делаться адвокатом только в интересах доверителя с учетом как его (доверителя) позиции, так и собственной оценки адвокатом как независимым профессиональным советником по правовым вопросам преимуществ и недостатков его участия в одном из одновременно проводимых процессуальных действий и неучастия в другом. Императивная обязанность обжалования судебного акта в отсутствие письменного отказа доверителя от его обжалования, предусмотренная приведенными выше нормами Кодекса профессиональной этики адвоката и Стандарта, распространяется на обжалование именно в апелляционном порядке судебных актов, постановленных по уголовным делам. Вместе с тем, Совет не может согласиться с доводом Квалификационной комиссии о том, что неистечение на момент расторжения заключенного с адвокатом соглашения об оказании юридической помощи установленного законом срока на обжалование судебного акта само по себе является обстоятельством, освобождающим адвоката от ответственности за его необжалование при наличии оснований для обжалования и такой обязанности.

Совет также не усматривает какого-либо дисциплинарного нарушения в непредставлении адвокатом Э. следователю заявлений по результатам его ознакомления с четырьмя постановлениями от 09 марта 2022 года о назначении фоноскопических судебных экспертиз. В соответствии с ч. 1 ст. 198 УПК РФ при назначении и производстве судебной экспертизы защитник вправе заявлять различные ходатайства (о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, о привлечении в качестве экспертов указанных им лиц, о внесении в постановление о назначении судебных экспертиз дополнительных вопросов эксперту, о присутствии при производстве судебной экспертизы и даче объяснений эксперту). Реализуя эти полномочия, адвокат-защитник самостоятельно разрешает вопрос о необходимости и целесообразности каких-либо заявлений или ходатайств. Для этого он может, например, изучить специальную литературу, обратиться к специалисту за разъяснением отдельных вопросов, связанных с производством судебной экспертизы и получением консультации о

целесообразности заявления того или иного ходатайства (п. 3 ч. 1 ст. 53, ст. 58 УПК РФ). Адвокатская практика изобилует и иными примерами, когда изучение постановления о назначении судебной экспертизы, специальной литературы и (или) консультация специалиста приводят адвоката-защитника к выводу о том, что заявление каких-либо ходатайств на данном этапе нецелесообразно и (или) может привести к ухудшению положения его подзащитного. В связи с этим защитник может воздержаться от реализации всех или некоторых полномочий, предусмотренных ч. 1 ст. 198 УПК РФ. Именно право адвоката-защитника, а не его обязанность заявить те или иные ходатайства при назначении и производстве судебной экспертизы обуславливает возможность в любой момент принять решение о способе и моменте их реализации. Иной подход приводил бы к выводу о необходимости заявления ходатайства даже в случае, когда адвокат-защитник убежден в том, что его удовлетворение может ухудшить положение своего доверителя. Кроме того, на момент ознакомления адвоката Э. с указанными постановлениями К. и другой ее защитник – адвокат К.А. уже заявили 09 марта 2022 года ходатайство о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительного вопроса эксперту, а также об изъятии звукозаписывающих устройств, с которых была представлена фонограмма, направленная на экспертное исследование.

Органы адвокатского самоуправления не вмешиваются в тактику, определяемую адвокатом при ведении конкретного дела, а претензии доверителя к адвокату в части, касающейся выбранной адвокатом тактики ведения дела, не могут служить основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре или Кодекса профессиональной этики адвоката. Являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он вправе и обязан совершить в интересах доверителя на основании заключенного с последним соглашения об оказании юридической помощи. Общими ориентирами при этом для адвоката служат положения п. 2 ст. 2 и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также предписания соответствующего отраслевого (процессуального) законодательства. Совет также считает, что самостоятельное и независимое толкование закона является неотъемлемым правом адвоката как независимого советника по правовым вопросам.

Заявитель К. также выдвигает против адвоката Э. дисциплинарное обвинение в неявках для участия в ее дополнительных допросах 09 марта 2022 года с 11.45 час. до 13.00 час. и 11 марта 2022 года с 15.15 час. до 17.10 час. Рассматривая это дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что 04 марта 2022 года в ответ на сообщение адвоката Э. о смерти его сестры заявитель К. отправила ему сообщения: «Примите наши соболезнования»; «Переносу следователя с 09 марта»; «Хотела уточнить дату»; «11 марта Вы

сможете»; «И время напишите». В тот же день заявитель К. ответила «Хорошо ...» на сообщение адвоката Э.: «С утра смогу»; «До 13.00». Учитывая содержание данной переписки, Совет приходит к выводу о том, что неучастие адвоката Э. в следственных действиях 09 марта 2022 года и во второй половине дня 11 марта 2022 года было согласовано с доверителем К. и вызвано уважительными причинами, поэтому не может быть признано дисциплинарным проступком.

Не является дисциплинарным нарушением и опоздание адвоката Э. для участия в дополнительном допросе обвиняемой К. 11 марта 2022 года, начавшегося в 11.30 час., поскольку с 11.10 до 11.24 час. он участвовал в процессуальных действиях в качестве защитника К. по этому же уголовному делу, а именно в ознакомлении с четырьмя постановлениями от 09 марта 2022 года о назначении фоноскопической судебной экспертизы. При этом ни заявитель К., ни участвовавший указанном дополнительном допросе наряду с адвокатом Э. адвокат К.А. факт опоздания адвоката Э. в протоколе следственного действия не отразили.

Доводы заявителя К. о том, что адвокат Э. не подавал «апелляционные, кассационные жалобы, а также жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ в интересах доверителя», не конкретизированы. Заявителем не указано, какие именно жалобы и на какие действия (бездействие) или решения адвокат Э. должен был, по ее мнению, подать. Вместе с тем «конкретность обвинения является необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении» (*Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С.192-193*).

Не представлено заявителем и доказательств того, что адвокат Э. принял на себя обязательство по еженедельному ее посещению в СИЗО. Сам по себе размер полученного адвокатом Э. вознаграждения, равно как и включение в Соглашение от 17 февраля 2022 года условий о возможности посещений, не связанных с участием в следственных и иных процессуальных действиях, не свидетельствует о принятии адвокатом Э. на себя таких обязательств, равно как и о реальной необходимости таких посещений для осуществления защиты К. Частота таких посещений также относится к вопросам тактики защиты и определяется адвокатом самостоятельно.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в привлечении адвокатом Э. К. в качестве доверителя недостойным способом, Совет отмечает, что согласно доводам жалоб К., адвокат Э.: указывал на личные связи с руководством «республики», на предстоящее назначение «прокурором республики на генеральскую должность»; демонстрировал совместные фотографии «с одним из руководителей республики и с руководителем

силовых ведомств (в настоящее время бывшими)»; указал на свою осведомленность об оказываемом на адвокатов, осуществляющих защиту К., давлении, вследствие которого те не могут К. «объективно защищать», опасаясь за свою безопасность.

Согласно пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами. Согласно п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе давать лицу, обратившемуся за оказанием юридической помощи, или доверителю обещания положительного результата выполнения поручения.

Адвокат Э. данные дисциплинарные обвинения категорически отрицает, указывая, что какого-либо разговора о возможном прекращении уголовного дела им с доверителем К. не велось и не могло быть с учетом тяжести вменяемого преступления и результатов оперативно-розыскных мероприятий, о чем не могли не знать супруги К., являясь практикующими юристами и учеными в сфере юриспруденции. Кроме того, п. 6.3 Соглашения от 17 февраля 2022 года предусматривал, что «никакие действия и высказывания адвоката не могут и не должны восприниматься Доверителем как обещание (гарантии) Адвоката положительного результата для Доверителя по разрешению дела (спора, конфликтной ситуации и т.п.)». Доказательств нарушения адвокатом Э. требований пп. 6 п. 1 ст. 9 и п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката заявителем не представлено, в связи с чем Совет признает эти дисциплинарные обвинения недоказанными, а дисциплинарное производство в данной части – подлежащим прекращению.

Дисциплинарное обвинение в несоблюдении адвокатом Э. деловой манеры общения с доверителем К. и ее представителем – Ко. также не нашло подтверждения, как и дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Э. оказывал К. юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды и безнравственными интересами. Материалы дисциплинарного производства не содержат доказательств такого поведения адвоката Э.

Не может рассматриваться как дисциплинарный проступок и представление адвокатом Э. в ходе дисциплинарного производства недостоверных объяснений. Объяснения адвоката в дисциплинарном производстве являются выражением избранной им защитительной позиции в отношении дисциплинарных обвинений, бремя опровержения которой лежит на заявителе. Угроза привлечения адвоката к ответственности за избранную им в дисциплинарном производстве защитительную позицию не только поставила бы под сомнение свободу ее формирования, но и фактически возложила бы на адвоката обязанность оказывать содействие его привлечению к дисциплинарной ответственности, что несовместимо с принципом состязательности дисциплинарного производства, составляющим

его основу в силу положений п. 3 ст. 19 и п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката. По этой причине участвующий в дисциплинарном производстве адвокат вправе формировать защитительную позицию по своему усмотрению, а установление полной или частичной недостоверности его объяснений в ходе дисциплинарного производства не может рассматриваться как основание для его привлечения к дисциплинарной ответственности. По этой же причине не свидетельствует о дисциплинарном проступке адвоката Э. и поступление в материалы дисциплинарного производства взаимно противоречащих заявлений адвоката Н. о посещении адвокатом Э. ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по городу Москве. Изменение позиции адвоката Н. относительно фактических обстоятельств само по себе не может рассматриваться как доказательство нарушения адвокатом Э. норм профессиональной этики адвоката.

Довод заявителя К. о неисполнении адвокатом Э. требований п. 4 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому при осуществлении адвокатской деятельности адвокат обязан вести адвокатское производство, также не нашел подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. Адвокат Э. в ходе дисциплинарного производства настаивал на том, что данная обязанность им была исполнена, и его объяснения подтверждаются представленными им светокопиями документов, а также сведениями, приведенными им в справке о результатах работы по защите интересов обвиняемой К. Эти его объяснения не опровергнуты, доказательств обратного в жалобах и материалах дисциплинарного производства не содержится, что предопределяет вывод о прекращении дисциплинарного в части данного дисциплинарного обвинения.

Рассматривая довод заявителя о невозвращении адвокатом Э. выданной ему доверенности на представление интересов К., Совет отмечает, что согласно п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю, в том числе и доверенность. Однако в данном случае заявителем К. не было доказан факт получения адвокатом Э. доверенности от 02 марта 2022 года ... Признавая свою осведомленность об оформлении данной доверенности, адвокат Э. в ходе дисциплинарного производства отрицал факт ее получения от доверителя К. Доказательств фактического использования данной доверенности адвокатом Э. или нахождения данной доверенности у него заявителем К. не представлено. Приведенный представителем заявителя К. – Ко. довод о том, что на основании этой доверенности адвокат Э. 28 апреля 2022 года участвовал в заседании Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, не нашел подтверждения, поскольку в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в указанном заседании адвокат Э. представлял интересы Х. (К.) на основании ордера от 11 марта 2022 года № ..., представленного в материалах Следственного комитета Российской Федерации в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации.

Дисциплинарное производство в части перечисленных недоказанных дисциплинарных обвинений подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Э. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Учитывая наличие в жалобах заявителя Ко. требований о возврате неотработанного адвокатом Э. вознаграждения в размере 47 000 долларов США, Совет разъясняет заявителю К., что споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации не подведомственны, в связи с тем, что находятся за пределами их компетенции. В случае возникновения разногласий относительно размера гонорара все спорные вопросы между адвокатом и доверителем разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Не могут быть рассмотрены в настоящем дисциплинарном производстве и доводы заявителя К. о совершении адвокатом Э. уголовно наказуемых деяний, в том числе клеветы, завладения мошенническим путем денежными средствами К. в качестве аванса за оказание юридической помощи, вымогательства у К. денег для их передачи высокопоставленным сотрудникам правоохранительных органов, угроз в адрес К. и членов ее семьи. Согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов РФ 28 января 2016 года (Протокол № 3) и опубликованным на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов РФ (<http://www.fparf.ru>), компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, определенном УПК РФ.

В случае если заявитель К. считает, что адвокатом Э. совершено деяние, содержащее признаки какого-либо преступления, она вправе обратиться в правоохранительные органы в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. Дисциплинарное производство в части вышеуказанных доводов заявителя К. об обязанности адвоката Э. вернуть денежные средства, а также о совершении им уголовных преступлений подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в указанной части.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Э. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их умышленный и злостный характер, сопряженный с явным и грубым игнорированием адвокатом обязательных профессиональных правил оформления договорных отношений с доверителем, финансовой дисциплины, сохранения доверия к адвокату и оказания квалифицированной юридической помощи. Игнорирование императивного запрета на совершение действий, направленных к подрыву доверия к нему как к адвокату, а также фактическое самоустранение от оказания юридической помощи доверителю К. после получения вознаграждения (гонорара) ни при каких обстоятельствах не может быть совместимо со статусом адвоката. Совокупность описанных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат Э. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие цели, не соответствующие предназначению адвоката. При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Э. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не усматривает оснований для применения к адвокату Э. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Э. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершенные им грубые нарушения профессиональных правил совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Э. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности Э., считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2, 8 п. 1 и п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Э. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 15 ст. 22, п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем К. (честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов регистрируются в документации коллегии адвокатов), выразившееся в том, что, заключив с доверителем К. Соглашение № ... об оказании юридической помощи (услуги) от 17 февраля 2022 года, адвокат Э. не обеспечил его своевременную регистрацию в документации адвокатского образования, по крайней мере, по состоянию на 06 сентября 2022 года;

неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 и п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем К. (честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением), выразившееся в том, что:

– получив от доверителя К. 03 марта 2022 года в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи денежные средства в размере 2 000 долларов США, адвокат Э. не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством, ограничившись составлением на л. 5 Соглашения № ... об оказании юридической помощи

(услуги) от 17 февраля 2022 года расписки, в которой было указано: «03.03.2022 оплачено 2 тыс. долларов США, т.е. 150 т.р. по курсу»;

– получив в период с 03 марта 2022 года по 01 июня 2022 года от доверителя К. денежные средства в размере не менее 22 500 долларов США в счет оплаты авансом юридической помощи за период с 03 апреля 2022 года по 31 декабря 2022 года, которую он обязался оказать К. по Соглашению № ... об оказании юридической помощи (услуги) от 17 февраля 2022 года, адвокат Э. не внес указанные денежные средства в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю К. финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством, ограничившись составлением на оборотной стороне л. 5 Соглашения № ... об оказании юридической помощи (услуги) от 17 февраля 2022 года расписки, в которой было указано: «Оплачено с 03.04.2022 по 31.12.2022 1 800 000 руб. (один миллион восемьсот тысяч рублей) долларами в рублевом эквиваленте, т.е. по курсу 80 рублей за один америк. доллар»;

неисполнение, вопреки предписаниям п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем К. (адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему), выразившееся в том, что получив от К. в период времени с 03 марта 2022 года по 01 июня 2022 года в качестве вознаграждения денежные средства в суммах 2 000 долларов США и не менее 22 500 долларов США (1 800 000 рублей долларами в рублевом эквиваленте по курсу 80 рублей за один доллар США), а также составив в подтверждение получения указанных сумм расписки на Соглашении № ... об оказании юридической помощи (услуги) от 17 февраля 2022 года, адвокат Э. после предъявления к нему доверителем К. требований о возврате неотработанного вознаграждения в Письменных объяснениях на имя председателя Коллегии адвокатов «Г.» Д. от 30 августа 2022 года, то есть до обращения К. в Адвокатскую палату города Москвы с жалобой на действия (бездействие) адвоката Э. от 30 октября 2022 года, стал утверждать, что им получено от К. «2 000 долларов США (по курсу ЦБ РФ 75 рублей за 1 доллар США) и 50 000 рублей», а также что «иные денежные средства, о которых утверждает К. в заявлении», ему «не передавались», тем самым отрицая получение им денежных средств в сумме не менее 1 750 000 рублей (долларами в рублевом эквиваленте по курсу 80 рублей за один доллар США) в целях воспрепятствования реализации права К. на возвращение ей неотработанной адвокатом Э. части вознаграждения;

неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 4 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 9, 10, 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом

адвокатов 20 апреля 2017 года, своих профессиональных обязанностей перед доверителем К. (своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать и защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции; адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного; отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату; защитник участвует в следственных и процессуальных действиях, проводимых с участием подзащитного либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника, а также в судебных заседаниях по уголовному делу, за исключением случаев, когда такое участие не является обязательным в силу закона и отсутствия просьбы подзащитного; адвокат участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых им на себя обязательств), выразившееся в том, что, приняв на основании Соглашения № ... об оказании юридической помощи (услуги) от 17 февраля 2022 года поручение по осуществлению защиты К. в уголовном судопроизводстве по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве ГСУ СК России по городу Москве, адвокат Э. самоустранился от оказания юридической помощи доверителю К., а именно:

– не явился 18 апреля 2022 года в судебное заседание Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по делу № ..., по результатам которого в отношении К. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу;

– не обжаловал определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по делу № ... от 18 апреля 2022 года об избрании в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу в апелляционном порядке;

– не явился 22 апреля 2022 года в судебное заседание Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по делу № ... по рассмотрению апелляционной жалобы адвоката К.А. на определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2022 года об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении К.;

– не явился 18 мая 2022 года в судебное заседание П. районного суда города Москвы, по результатам которого был продлен срок содержания К. (Х.) под стражей;

– не обжаловал постановление П. районного суда города Москвы от 18 мая 2022 года, которым был продлен срок содержания К. (Х.) под стражей в апелляционном порядке.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Э. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по жалобам К. от 30 октября 2022 года (вх. № ... от 22.11.2022), от 10 февраля 2023 года (вх. № ... от 15.03.2023), от 07 марта 2023 года (вх. № ... от 10.03.2023) и от 03 апреля 2023 года (вх. № ... от 04.04.2023):

в части требований об обязанности адвоката Э. возратить неотработанное вознаграждение в размере 47 000 долларов США; в части доводов о совершении адвокатом Э. уголовно наказуемых деяний, в том числе клеветы, завладения мошенническим путем денежными средствами К. в качестве аванса за оказание юридической помощи, вымогательства у К. денег для их передачи высокопоставленным сотрудникам правоохранительных органов, угроз в адрес К. и членов ее семьи – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков